

✦ Асмодей Денница ✦

Золотая Роза Монсегюра

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Асмодей Денница

Золотая роза Монсегюра

«Автор»

2026

Денница А.

Золотая роза Монсегюра / А. Денница — «Автор», 2026

Исторический роман о любви инквизитора и ведьмы, о тайнах тамплиеров и семи золотых розах, способных изменить судьбу мира. Франция, 1307 год. Инквизитор Себастьян де Монфор получает приказ арестовать Элиану — травницу из Монсегюра, обвиняемую в ереси. Но первая же встреча рушит всё, во что он верил. Когда Себастьян открывает медальон матери, он находит внутри не реликвию — а ключ. Золотая роза, семь лепестков, капля рубина. И слова: "Она приведёт тебя к отцу". В ту же ночь Элиана исчезает из запертой камеры, оставив лишь запах трав и загадку. Себастьян нарушает обет, лжёт епископу и отправляется по следу — не ради спасения ведьмы, а ради правды, которая может стоить ему жизни. Их путь лежит через сожжённые деревни, катакомбные храмы катаров и замки, где ещё звучат отголоски альбигойских войн. За ними по пятам идёт не только инквизиция — охотник за розами, человек, предавший хранителей, уже собрал три из семи. Если он найдёт все — мир сгорит в огне новой веры, которую он сочтёт истиной.

© Денница А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

◆ Пролог	5
◆ Глава 1. На ложе из терний	11
◆ Глава 2. О том, как трудно быть святым	18
◆ Глава 3. О том, как побег становится началом, а не концом	25
◆ Глава 4. О том, как прошлое настигает даже беглецов	33
◆ Глава 5. О том, как ночь открывает то, что день прячет	39
◆ Глава 6. О том, как правда обжигает сильнее пламени	47
◆ Глава 7. О том, как знание становится тяжелее любого камня	53
◆ Глава 8. О том, как утро приносит не только свет	60
◆ Глава 9. О том, как любовь становится ядом, а правда — оружием	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Асмодей Денница

Золотая роза Монсегюра

◆ Пролог

In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti
Сентябрь 1307 года от Рождества Христова
Замок Монсегюр, предгорья Пиренеев

Серый рассвет цеплялся за зубчатые стены замка словно измождённый путник, ищущий пристанища. Ледяной ветер нёс с гор запах грозы, хотя небо над Пиренеями оставалось обманчиво чистым — бледным, как лицо человека, узревшего призрака. Где-то там, за зазубренными пиками, уже клубились тяжёлые тучи, предвещая скорый ливень.

Себастьян де Монфор стоял у высокого стрельчатого окна и смотрел, как утро просачивается сквозь свинцовые переплеты витражей, окрашивая каменный пол в кровавые оттенки. Час заутрени давно миновал, а он всё не мог согнать с себя озноб, поселившийся в костях несколько дней назад, когда в его руки попал приказ из Парижа — тот самый, что лежал сейчас на дубовом столе, прожигая восковую печать алым отблеском свечи.

«Посему предписываю вам, любезный наш сын во Христе, брат Себастьян, неукоснительно выполнить волю его святейшества папы Климента и нашего государя короля Филиппа, а именно: взять под стражу женщину, именуемую Элианой из Монсегюра, обвиняемую в ереси, колдовстве и сношениях с нечистой силой, провести дознание с пристрастием и, по установлении вины, предать её в руки церковного суда для свершения правосудия».

Он знал это послание наизусть. Каждое слово, каждую изящную завитушку пергамента. Знал и то, что стоило ему только поставить свою подпись — и обратного пути уже не будет. Потому что не было в этом мире пути назад для того, кто однажды прикоснулся к запретному знанию.

Но дело было не в знании.

Дело было в ней.

— Брат Себастьян?

Голос послушника раздался за его спиной — тихий, почтительный, с той дрожью, что всегда возникала в голосах людей, когда они обращались к инквизитору. Четыре года, проведённых в этой должности, научили Себастьяна слышать страх. Он научился различать его оттенки: боязнь, трепет, ужас. И безразличие к этому страху, ставшее его второй натурой.

— Она здесь, — сказал послушник. — Мы привели её, как вы приказали.

Себастьян медленно обернулся. В отсветах догорающих свечей его лицо казалось высеченным из камня — каждая черта резкая, холодная, как клинок, что висел у него на поясе. Тёмные волосы были аккуратно зачёсаны назад, открывая высокий лоб, изборождённый едва заметными морщинами — их оставили годы напряжённой работы, бессонные ночи над манускриптами, сомнения, которые он никогда не позволял себе показывать.

— Она сопротивлялась? — спросил он, хотя знал ответ.

— Нет, отец инквизитор. Она... — послушник запнулся, пытаясь подобрать слова, но они ускользали, оставляя лишь сбивчивое бормотание. — Она пошла с нами добровольно. Улыбалась.

Себастьян нахмурился. Улыбалась. Интересно.

— Приведите её в зал допроса. Через полчаса я буду там.

Послушник поклонился и исчез за дубовой дверью, оставив после себя лишь запах воска и сырости, всегда сопутствовавший этим старым замкам.

Себастьян снова повернулся к окну. Вдали, на скалистом выступе, виднелись руины древней часовни — говорят, некогда там собирались катары, чтобы совершать свои тайные обряды. Теперь от святилища остались лишь обгоревшие камни да чёрная, выжженная земля, на которой ничего не росло уже почти столетие.

Его пальцы коснулись медальона на груди — серебряного креста с вплетённым в него гербом дома Монфоров. Холод металла всегда успокаивал его, возвращая к реальности, к той твёрдой почве, на которой он стоял. Но сегодня даже этот привычный ритуал не помогал.

Потому что в подвале замка, в камере, где он сам приказал запереть её, ждала та, чей образ не давал ему покоя уже три недели. С той самой ночи, когда он увидел её впервые.

Зал допроса больше походил на склеп — низкие своды, голые каменные стены, в которые время врезало глубокие борозды. В углах тускло мерцали свечи, отбрасывая длинные танцующие тени, похожие на изломанные пальцы, тянущиеся к пленнице. В центре зала стоял дубовый стол, на котором лежали орудия, призванные развязывать языки — щипцы, клещи, плети с железными наконечниками. Они никогда не использовались в этом зале, но их вид должен был действовать на подсудимых устрашающе.

Себастьян никогда не применял пытки. Он считал это проявлением слабости — неспособностью убедить, обойти, сломать волю человека одним лишь словом. Но его недруги в ордене говорили иначе: они шептались, что инквизитор де Монфор не использует железо потому, что боится увидеть в глазах жертвы собственное отражение.

Быть может, в этом и была доля правды.

Дверь с противным скрипом отворилась, и в зал вошли двое стражников. Между ними, свободная, без оков, шла та, что свела с ума трёх членов инквизиционного трибунала и привела в замешательство самого великого магистра.

Она была прекрасна. Себастьян знал, что должен был думать о ней как об орудии сатаны — как о сосуде греха, как об отроде ада, принявшем обличье женщины. Но когда она подняла на него свои глаза — цвета весенней листвы, с золотыми искрами, пляшущими в зрачках, — он понял, что все его молитвы, все его обеты, вся его вера, взлелеянная годами, рушатся в прах.

Она улыбнулась. И в этой улыбке было столько знания, столько тайны, что у Себастьяна перехватило дыхание.

— Брат Себастьян де Монфор, — произнесла она, и её голос — низкий, с хрипотцой, как у певицы из придворных менестрелей, — прозвучал в тишине зала. — А я-то думала, что вы старше.

Стражники нахмурились, не понимая, как можно обращаться к инквизитору с такой фамильярностью. Себастьян же просто стоял, вглядываясь в её лицо, пытаясь найти там следы того зла, о котором ему рассказывали. Но не находил.

Она казалась... обычной. За исключением глаз, конечно. И ауры — той незримой вибрации, что исходила от неё волнами, касаясь его кожи, его души, пробуждая то, что он так долго хоронил в себе.

— Элиана из Монсегюра, — произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы обвиняетесь в колдовстве, ереси и сношениях с нечистой силой. Что вы можете сказать в свою защиту?

Она усмехнулась — и в этом звуке послышалась насмешка, от которой по спине Себастьяна пробежал холодок.

— А что я могу сказать, брат инквизитор? Что я всего лишь травница, лечившая больных в своей деревне? Что я не продавала душу дьяволу, а просто умела видеть то, что скрыто от глаз обычных людей? Что те трое, что пришли за мной, пытались меня изнасиловать, а я всего лишь защищалась? — Она покачала головой, и прядь рыжих волос упала на лицо. — Вы же не поверите. Вы — инквизитор. Ваша вера — это клинок, а не щит.

— Я верю в справедливость, — ответил он, и в голосе его послышались нотки, которых он сам не ожидал. — Я верю, что прежде чем осудить человека, нужно услышать его.

Она подошла ближе, и стражники напряглись, но Себастьян взмахом руки остановил их. Она была без оружия, и он чувствовал — она не причинит ему вреда. По крайней мере, не сейчас.

— Услышать, — повторила она задумчиво, останавливаясь всего в нескольких шагах от него. — А если я расскажу вам то, что вы не сможете не услышать? Если я скажу вам, что в ту ночь, когда вы родились, ваша мать умерла, заслонив вас от убийцы? Если я скажу, что вы носите её медальон, но даже не знаете, что внутри?

Себастьян побледнел. Медальон — его медальон, тот самый, что висел у него на груди, — никто не знал о нём. Никто, кроме него самого. Даже его исповедник не видел эту реликвию.

— Откуда... — начал он, но она перебила его, сделав ещё шаг вперёд.

— Я вижу, брат Себастьян. Я всегда видела. И я вижу, что вы не такой, как другие инквизиторы. Вы — не палач. Вы — ищущий. Но то, что вы ищете, может уничтожить вас.

Она протянула руку и коснулась его запястья — и в тот миг мир перевернулся.

Себастьян увидел всё сразу: себя ребёнком, бегущим по коридорам замка; свою мать — прекрасную, смеющуюся, с глазами, такими же зелёными, как у Элианы; человека в маске, вонзающего кинжал в её грудь; себя, стоящего над могилой с зажатым в кулаке медальоном.

А потом — тьма. И голос.

«Ты найдёшь её, сын. И когда найдёшь — ты поймёшь, что всё это время искал не истину».

Себастьян отшатнулся, словно от удара. Его руки дрожали. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая все остальные звуки. Он опёрся о край стола, чтобы не упасть, и с трудом перевёл дыхание.

— Что... что это было? — прошептал он, глядя на неё с новой, незнакомой смесью страха и восхищения.

— Это был дар, — ответила она, и впервые в её голосе послышалась усталость. — Дар, который вы называете проклятием. Я вижу ваши сны, брат Себастьян. Я вижу ваши страхи. И я вижу, как вы боитесь того, что уже начали чувствовать.

Она снова улыбнулась — но на этот раз в улыбке не было насмешки. Была грусть. И что-то ещё... что-то, от чего у Себастьяна пересохло во рту.

— Мы встретимся снова, — сказала она, отступая назад. — Вы сами приведёте меня. Потому что я — единственная, кто знает правду о вашей матери. И я — единственная, кто может вам помочь.

Она отвернулась и, не дожидаясь знака, направилась к двери. Стражники, не понимая, что происходит, двинулись следом, но Себастьян их остановил.

— Подождите.

Элиана остановилась у порога, не оборачиваясь.

— Отведите её в северную башню. — Голос Себастьяна звучал глухо, словно доносился из-под воды. — И не причиняйте ей вреда. Она нужна мне живой.

Она слегка кивнула — и исчезла за дверью, оставив в зале только запах трав и горячих свечей.

Себастьян остался один. Он подошёл к столу, взял в руки клещи — холодные, безразличные к его дрожи — и посмотрел на них. А потом, медленно, словно совершая древний обряд, отложил их в сторону и достал из кармана медальон.

Он никогда не открывал его. До сегодняшнего дня.

И сейчас, когда его пальцы коснулись застёжки, он вдруг понял, что боится не того, что увидит там. Он боится того, что может увидеть в себе.

Элиана из Монсегюра. Та, кого он должен был осудить и предать огню.

Та, что смотрела на него, как на человека, а не как на орудие Божьего гнева.

Та, что знала его мать.

Та, что могла быть его единственным шансом узнать правду.

Или его единственным путём к гибели.

Он подошёл к окну и долго стоял, глядя на догорающие свечи. Потом, словно решившись наконец, провёл пальцем по застёжке медальона. Крышка открылась с тихим щелчком.

Внутри, на пожелтевшем пергаменте, был вырезан крошечный рисунок — золотая роза: семь лепестков, скрученных в бутон, с каплей рубина в сердцевине. Под ним — три строки, выведенные дрожащим материнским почерком:

«Сыну моему Себастьяну. Роза эта — ключ ко всему, что ты ищешь. Храни её. Она приведёт тебя к отцу. И она же укажет тебе путь, когда придёт время».

Пальцы его дрожали. Отец. Тот, кого он считал погибшим при осаде Акры. Тот, о котором мать никогда не говорила. Тот, чьё имя было запретным в доме.

Себастьян закрыл медальон и защёлкнул застёжку. Сердце билось часто и гулко, как колокол в ночь накануне Страшного суда.

Он не знал, что делать. Но он знал одно: завтра он придёт к ней снова. И она поможет ему понять, что означает эта роза.

Подземелье замка Монсегюр

Два часа спустя

Элиана сидела на холодном каменном полу, прислонившись спиной к стене, и смотрела в маленькое зарешечённое окно, сквозь которое пробивался бледный свет дня. Она знала, что скоро будет буря. Она чувствовала её приближение в каждой клетке своего тела — так, как чувствовала всегда, когда грядущие перемены носились в воздухе, отравляя его электричеством и тревогой.

Она слышала его шаги задолго до того, как они затихли у двери. Он стоял там, не решаясь войти. Она улыбнулась в темноте: инквизитор, привыкший выносить приговоры, боялся переступить порог маленькой камеры. Боялся не её — себя.

Дверь отворилась. Себастьян вошёл в камеру, прикрыв за собой дверь, и остановился, глядя на неё. В неровном свете свечи его лицо казалось усталым и постаревшим — человек, который за один вечер узнал больше, чем за всю жизнь.

— Вы пришли, — сказала она без тени удивления. — Я знала, что придёте.

Он присел на корточки напротив неё, так что их глаза оказались на одном уровне.

— Я открыл медальон, — сказал он тихо. — Там золотая роза. И слова моей матери. Она пишет, что роза приведёт меня к отцу. Но мой отец мёртв. Он погиб в Акре.

— Он не погиб, — спокойно ответила она. — Он жив. И он ждёт вас.

Себастьян замер.

— Откуда вам это известно?

Она протянула руку и коснулась его ладони — легко, едва ощутимо.

— Я видела его, когда коснулась вас. Видела, как он стоит у постели вашей умирающей матери. Как держит её за руку. Как клянётся ей, что найдёт того, кто отнял у него её и отдаст ему долг сполна. — Она помолчала. — Он носит такую же розу. Только его роза — чёрная, выжженная. Она оставлена ему тем, кто предал хранителей.

— Хранителей? — переспросил Себастьян, и голос его дрогнул.

— Тамплиеров, которые хранят тайну. — Элиана посмотрела ему в глаза. — Ваша мать была одной из них, брат Себастьян. Женщина-хранитель — такое случалось редко, но случилось. Она хранила одну из семи роз — золотую. Ту, что теперь у вас.

Себастьян молчал. Слишком много правды обрушилось на него за один вечер. Слишком много, чтобы вместить.

— Почему вы рассказываете мне это? — спросил он наконец. — Я — инквизитор. Я — тот, кто должен вас сжечь.

— Потому что вы — тот, кто должен вам помочь, — ответила она просто. — Один из семи роз уже украден. Украден тем, кто охотится за всеми семью. Если он соберёт их все — он сможет открыть то, что хранители прячут веками. И тогда мир изменится. Не в лучшую сторону.

Она помолчала и добавила тише:

— Мы должны действовать, брат Себастьян. И действовать быстро. Иначе будет поздно. Для всех нас.

Себастьян стоял на пороге, не в силах пошевелиться. В груди бушевала буря, не меньшая, чем та, что уже начинала рваться на свободу за стенами замка.

— Вы просите меня пойти против своего ордена, — сказал он. — Против церкви. Против всего, во что я верил.

— Я прошу вас пойти против несправедливости, — ответила она. — Против лжи, которую вам рассказывали с детства. Против тех, кто убил вашу мать, — она на миг задержала на нём взгляд, — и хочет убить вас.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что ваша мать умерла не от болезни, брат Себастьян. Её убили. Убили из-за розы, которую она носила. Из-за того, что она знала. И те, кто это сделал, до сих пор живы. Они среди вас. В вашем ордене.

Тишина повисла в камере, тяжёлая, как могильная плита. Себастьян смотрел на неё, и в его глазах медленно разгорался огонь — гнев, смешанный с чем-то ещё, чего он не смел назвать.

— Откуда вам это известно? — спросил он хрипло.

— Я видела, — просто ответила она. — Я вижу прошлое, когда касаюсь человека. Я коснулась вас — и увидела вашу мать. Я коснулась её памяти — и увидела того, кто поднял на неё руку. Он носит воротник священника, брат Себастьян. И он — один из ваших.

В дверь камеры постучали. Голос стражника прозвучал приглушённо, но отчётливо:

— Отец инквизитор, епископ требует вас к себе. Гонец из Парижа.

Элиана поднялась и посмотрела на него в упор.

— Идите, — сказала она. — Скажите, что я сижу в этой камере и жду приговора. Так оно и будет. Но когда вернётесь — помните о розе. Роза не прощает медлительности.

Она снова опустилась на пол, скрестив ноги, и закрыла глаза, давая понять, что разговор окончен. Себастьян постоял ещё мгновение, потом повернулся и вышел из камеры, оставляя её одну в полумраке.

Себастьян стоял в часовне замка и смотрел на распятие. Свечи догорали, оставляя после себя лужицы воска, похожие на застывшие слёзы.

Он не молился. Он просто стоял и ждал, когда Бог скажет ему, что делать. Но Бог молчал.

А где-то в северной башне, закованная в камень и тишину, ждала она — та, чьи слова перевернули всё, во что он верил. Та, что назвала его мать хранительницей семи роз. Та, что обещала помочь ему найти отца.

Он достал медальон и снова открыл его. Золотая роза тускло блеснула в свете свечи — семь лепестков, бутон, рубин в сердцевине. Ключ ко всему. Ключ к тайне, которая стояла жизни его матери.

За окном впервые за вечер тяжко ухнул гром. Буря начиналась.

Над замком Монсегюр разразилась буря.

Ветер выл в бойницах, сотрясал дубовые ставни и срывал черепицу с крыш. Молнии рассекали небо, и на миг в их свете замок вспыхивал белым — призрачным, нездешним, словно

сама твердыня катаров поднималась из мёртвых, чтобы стать свидетельницей чего-то великого и страшного.

Себастьян стоял у окна и смотрел на вспышки молний, разрезающие небо. В руке он сжимал медальон с золотой розой.

Он думал о том, что никогда ещё не чувствовал себя таким живым. И таким обречённым. Потому что он знал: завтра он снова придёт к ней.

И завтра он сделает выбор, который изменит всё. Для него. Для неё. Для всех.

А в камере северной башни, прислушиваясь к грому, Элиана из Монсегюра улыбнулась в темноте.

Он придёт. Она знала это. Так же, как знала, что впереди у них — дорога, полная крови и золота, лжи и правды, и что на этой дороге им суждено либо спасти мир, либо сгореть в пламени, которое они сами разожгут.

Она закрыла глаза и почувствовала, как по коже пробегает электричество приближающейся бури.

Роза цвела. И роза ждала.

◆ Глава 1. На ложе из терний

О, если б сердце могло быть немым,
Когда в нём говорит любовь,
И если б разум мог быть слепым,
Когда он видит кровь!
Но страсть сильнее долга, а правда горше лжи,
И тот, кто любит, знает — спасенье лишь в сторании душ.
Когда же пламя гаснет, останется ли свет,
Иль лишь пепел той любви, которой больше нет?

Ночь опустилась на Монсегюр, как чёрный бархатный плащ, расшитый серебряными нитями молний. Буря, что весь день копила за гребнем Пиренеев, наконец прорвалась — и теперь небо плакало огнём и водою, словно сам Господь оплакивал грехи этого мира. Ветер завывал в бойницах, сотрясал дубовые ставни и срывал черепицу с крыш, превращая замок в огромный орган, исполняющий Requiem.

Себастьян де Монфор шёл по галерее, соединяющей главную башню с северным флигелем, и считал шаги. Это помогало ему держать разум в узде — привычный ритуал, выработанный за годы службы. Сто двадцать семь шагов от его покоев до потайной двери, что вела в лестничный пролёт. Тридцать три ступени вниз. Ещё семнадцать — по коридору, где когда-то, говорят, обитали призраки альбигойских мучеников. И наконец — тяжёлая дверь, обитая железом.

Он остановился перед ней, прислушиваясь к себе. В груди колотилось сердце — не от быстрого шага, нет. От того, что за этой дверью ждала она.

Себастьян провёл ладонью по шершавой поверхности железа и задержал дыхание. Запах — тот самый, неуловимый, как рассветный туман над лугами, — просочился сквозь щели. Травы, мёд, и ещё что-то, что он не мог определить, но от чего у него перехватывало дыхание.

Он отворил дверь.

Элиана сидела на соломенном тюфяке в углу камеры, и свет единственной свечи, стоявшей на подоконнике, озарял её лицо мягким золотистым сиянием. Она была без покрывала, и рыжие волосы струились по плечам, словно расплавленная медь. Она не спала. Конечно, не спала. Она знала, что он придёт.

— Брат Себастьян, — произнесла она без тени удивления, и улыбка тронула уголки её губ. — Я почти сбилась со счёта. Я думала, вы придёте раньше.

Он вошёл в камеру и прикрыл за собой дверь, оставляя её чуть приоткрытой — на случай, если кто-то из стражников решит проверить, почему инквизитор так долго не возвращается в свои покои.

— Я не должен был приходить вовсе, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы — обвиняемая в ереси. Я — ваш судья. Это нарушение всех правил.

— Правил, — повторила она задумчиво, и в голосе её послышалась та же насмешка, что и в зале допроса. — А вы всегда следуете правилам, брат Себастьян?

Он не ответил. Вместо этого он прошёл к единственному стулу — грубо сколоченному, шаткому — и сел напротив неё. Расстояние между ними было не больше трёх шагов, но казалось, что между ними — пропасть, вырытая верой, долгом и страхом, который он не хотел признавать.

— Расскажите мне о своей матери, — сказала она тихо, и в голосе её не было насмешки. Одна только серьёзность. — Вы носите её медальон. Вы даже не знаете, что внутри. Хотите узнать?

Себастьян сглотнул. Горло пересохло, как пустыня в полдень.

— Откуда вам известно о медальоне? — спросил он, хотя уже знал ответ. Она видела. Она всегда видела.

Элиана поднялась с тюфяка — медленно, плавно, как кошка, потягивающаяся после долгого сна. Подошла к нему и остановилась так близко, что он слышал её дыхание. Она пахла травами — мятой, чабрецом, дымом, и ещё чем-то сладким и терпким, от чего кружилась голова.

— Я вижу, брат Себастьян. Это мой дар. Или проклятие, как вам будет угодно. Я вижу прошлое, когда прикасаюсь к человеку. И я вижу настоящее, когда он близко. — Она наклонилась, и её пальцы, прохладные, как утренняя роса, коснулись его щеки. — Вы боитесь. Вы боитесь того, что можете узнать. И вы боитесь того, что можете почувствовать.

Его рука взметнулась и перехватила её запястье — не грубо, но твёрдо, останавливая.

— Не прикасайтесь ко мне, — сказал он, и голос его дрогнул. — Я не хочу... я не должен...

— Видите? — она улыбнулась, и в этой улыбке было столько боли, что у него на миг перехватило дыхание. — Вы даже не можете закончить фразу. Потому что вы уже знаете, что я не лгу. Вы чувствуете это. И это пугает вас больше, чем дьявол, которого вы ищете всю свою жизнь.

Она высвободила запястье из его пальцев — легко, почти невесомо — и сделала шаг назад.

— Я не буду прикасаться к вам без вашего позволения, брат Себастьян. Но я прошу вас: позвольте мне показать вам правду. Хотя бы для того, чтобы вы знали, кого собираетесь сжечь.

Себастьян сидел неподвижно, глядя на неё. В свете свечи её глаза казались почти прозрачными, словно две изумрудные капли, поймавшие в себя свет и тьму одновременно. И он понял, что не сможет отказать.

— Покажите, — сказал он, и голос его прозвучал глухо, как эхо в пустом колодце. — Покажите мне правду.

Она улыбнулась — мягко, почти грустно — и протянула ему руку, раскрыв ладонь.

— Возьмите меня за руку. И позвольте себе видеть.

Себастьян медленно поднял руку и коснулся её пальцев — кончиками, словно боялся обжечься. Но когда её ладонь сомкнулась на его запястье, мир вокруг него потемнел.

Видение нахлынуло волной — острой, солёной, как слёзы. Он стоял в комнате, которую никогда не видел раньше, но которая казалась мучительно знакомой. Каменные стены, узкое стрельчатое окно, за которым клубился серый туман. В углу — кровать с балдахином, на которой лежала женщина.

Она была прекрасна — с тёмными волосами, рассыпавшимися по подушке, и глазами, такими же зелёными, как у Элианы. Но эти глаза были закрыты, а лицо её было бледным, как пергамент, на котором уже не осталось ни одной буквы.

Рядом с кроватью стоял мужчина в плаще тамплиера — высокий, сутулый, с лицом, скрытым тенью капюшона.

— Она умирает, — сказал этот мужчина голосом, который Себастьян никогда не слышал, но который узнал бы из тысячи. — Твой сын родился, но её жизнь уходит. Если я спасу её, ты должен будешь отдать мне медальон.

В углу комнаты, у двери, стояла Элиана — совсем юная, почти девочка, с теми же рыжими волосами и тем же пронзительным взглядом. Она смотрела на тамплиера с ненавистью, которую не могла скрыть.

— Отдай ему, — прошептала она, обращаясь к кому-то, кого Себастьян не видел. — Отдай ему, и она выживет. Иначе она умрёт, а ты потеряешь всё.

И вдруг комната исчезла, и Себастьян увидел себя — ребёнка, стоящего у гроба, в котором лежала женщина с зелёными глазами, уже мёртвая. Рядом с ним, на коленях, стоял муж-

чина — его отец, которого он помнил лишь смутно, по отрывочным картинам детства. Отец плакал, сжимая в руках медальон.

«Она умерла, спасая тебя, — сказал он, поворачиваясь к ребёнку. — Но её душа не покоится с миром. Она просила меня передать тебе это...»

Он протянул медальон мальчику, и тот взял его — такой же маленький и холодный, как сейчас.

«Ты найдёшь ту, кто знает правду. Ты полюбишь её, и она погубит тебя. Но ты не сможешь её не любить, потому что она — единственная, кто способен тебя спасти».

Видение оборвалось так же внезапно, как и началось. Себастьян с трудом разлепил веки и обнаружил, что сидит на полу камеры, привалившись спиной к холодной стене. Элиана стояла рядом на коленях, и её лицо было совсем близко — обеспокоенное, встревоженное.

— С вами всё в порядке? — спросила она, и в голосе её звучала неподдельная забота. — Я знаю, это было тяжело. Но я должна была показать вам.

Себастьян сделал глубокий вдох. Воздух — холодный, пахнувший сыростью и плесенью — обжёг лёгкие, возвращая его в реальность.

— Кто был тот человек? — спросил он хрипло. — Тамплиер. Тот, кто предлагал спасти мою мать?

Элиана отвернулась и поднялась на ноги. Она подошла к окну и встала так, что свет свечи падал на её лицо, делая его почти прозрачным.

— Я не знаю его имени. Но я знаю, что он был частью ордена. И я знаю, что он знал тайну, которую носил ваш медальон. Тайну, которую вы должны раскрыть, если хотите понять, почему всё это происходит с вами.

Она повернулась к нему, и в её глазах светилась решимость.

— Тамплиеры не исчезли, брат Себастьян. Они просто ушли в тень. Они ждут своего часа. И вы — часть их плана. Ваша мать знала это. Она умерла, чтобы защитить вас. И теперь вы должны узнать, что она скрывала.

Себастьян поднялся на ноги, чувствуя, как дрожат колени. Ему хотелось верить ей. И в то же время хотелось бежать — бежать от этой правды, которая лежала перед ним, обнажённая, как её лицо в свете свечи.

— Почему я должен вам верить? — спросил он тихо. — Вы — ведьма. Вы — та, кого я должен сжечь.

Она улыбнулась — и в этой улыбке не было ни горечи, ни обиды.

— Потому что вы уже верите. Потому что вы знаете, что я говорю правду. И потому что вы почувствуете то же, что и я.

Она шагнула к нему и взяла его за руку — медленно, словно давая ему время отстраниться. Но он не отстранился.

— Когда вы смотрите на меня, — прошептала она, — вы видите не ведьму. Вы видите женщину. И я вижу в вас не инквизитора. Я вижу мужчину, который ищет ответы. И я могу дать вам эти ответы, если вы позволите.

Она поднесла его руку к своим губам и поцеловала пальцы — легонько, почти невесомо. И в этом поцелуе было столько нежности, что у Себастьяна перехватило дыхание.

— Не делайте этого, — сказал он, и голос его сел. — Я не могу... я не имею права...

— Права, — повторила она, и в голосе её зазвенела сталь. — А кто дал вам право быть судьёй? Бог? Ваш орден? Или вы сами? Вы хотите знать правду, но боитесь её. Вы хотите любить, но боитесь любви. Вы хотите жить, но уже похоронили себя заживо.

Она отпустила его руку и отошла к окну. За стеклом бушевала ночь.

— Уходите, брат Себастьян. Подумайте о том, что я сказала. А если решите узнать правду — приходите снова. Я буду ждать.

Себастьян стоял, не в силах пошевелиться. В его груди бушевала буря, не меньшая, чем та, что металась за стенами замка.

Он хотел сказать ей что-то — может быть, попросить прощения, может быть, объяснить, почему он не может позволить себе эту слабость, но слова застряли в горле, связанные страхом и желанием, которое он не смел признать.

Вместо этого он развернулся и вышел из камеры, оставляя её одну с её тайнами и с тем светом, что горел в её глазах, как вечный огонь на алтаре.

Коридоры замка были пусты и безмолвны, только шаги Себастьяна отдавались эхом от каменных стен. Он шёл быстро, почти бегом, стараясь не думать о том, что только что произошло. Но мысли не слушались. Они возвращали его к ней — к её голосу, к её руке, к тому поцелую, который обжёг его пальцы, оставив на них невидимый след.

Он остановился на середине галереи и прислонился лбом к холодному камню.

«Что я делаю? — спросил он себя. — Что я делаю с собой, с ней, со всем, во что я верил?»

Он не нашёл ответа. И это было страшнее, чем любой приговор, который он когда-либо выносил.

На следующее утро, когда солнце встало над горами, окрашивая небо в алый цвет, Себастьян стоял в часовне замка и смотрел на распятие. Свечи догорали, оставляя после себя лужицы воска, похожие на застывшие слёзы.

Себастьян не мог молиться — слова застревали в горле, не доходя до неба. Он стоял в тишине, и тишина эта была красноречивее любой молитвы.

В дверях часовни слышались шаги, и Себастьян обернулся. На пороге стоял брат Арно, его помощник, с лицом, бледным от тревоги.

— Отец инквизитор, — произнёс он, и голос его дрожал. — Прибыл гонец от епископа. Он требует, чтобы мы передали ведьму в руки церковного суда. Сегодня. До захода солнца.

Себастьян молчал. Он смотрел на распятие, но видел перед собой зелёные глаза, полные тайны и обещания.

— Передайте гонцу, — сказал он наконец, и голос его звучал ровно, почти спокойно, — что я лично явлюсь к епископу и объясню ему всё. А пока ведьма остаётся здесь. Под моей защитой.

Брат Арно открыл было рот, чтобы возразить, но передумал. Он поклонился и вышел, оставляя Себастьяна одного перед алтарём.

Себастьян сжал в руке медальон, чувствуя, как холод металла проникает в кожу, смешиваясь с теплом, оставшимся после прикосновения Элианы.

«Я не могу тебя отпустить, — подумал он, обращаясь к той, что ждала в северной башне. — И не могу оставить».

Он не знал, что делать дальше. Но знал одно: он не позволит никому причинить ей вред. Даже если это будет стоить ему жизни.

И в этом решении было столько же отчаяния, сколько и надежды.

День тянулся медленно, как мёд из опрокинутой кадки. Себастьян сидел в своих покоях над старинным манускриптом, но буквы расплывались перед глазами, складываясь в иные знаки — в рыжие локоны, в изумрудный взгляд, в улыбку, которая не выходила из головы.

Он попытался молиться. Не получилось. Слова «Отче наш» путались, превращаясь в её слова: «Вы хотите знать правду, но боитесь её».

Он попытался писать отчёт о деле. Не получилось. Перо оставляло на бумаге только имя: Элиана. Элиана. Элиана.

Когда за окном опустились сумерки, Себастьян поднялся, взял плащ и вышел из покоев. Он шёл той же дорогой — сто двадцать семь шагов, тридцать три ступени, семнадцать шагов по коридору призраков. Так же считал шаги. Так же замирал у железной двери.

Он не знал, зачем пришёл. Знал только, что не мог не прийти.

Элиана сидела у окна и, услышав скрип двери, обернулась. В руках у неё была горсть сухих трав, которые она перебирала с каким-то странным спокойствием, словно перебирала чётки.

— Вы вернулись, — сказала она, и в голосе её послышалось то, чего он не ожидал: тепло. — Я знала, что вернётесь.

— Откуда? — спросил он, и сам удивился, как хрипло прозвучал его голос.

— Потому что вы не можете иначе, — ответила она просто. — Так же, как не можете дышать иначе. Четыре года вы жили во лжи. А сегодня впервые увидели правду. От правды не уходят, брат Себастьян. К ней возвращаются. Снова и снова. Пока она не станет частью тебя.

Он стоял в дверях, не в силах сделать ни шагу внутрь. И в то же время не в силах уйти.

— Утром пришёл гонец от епископа, — сказал он. — Он требует, чтобы я передал вас церковному суду. Сегодня.

— И что вы ответили?

— Я ответил, что вы останетесь здесь. Под моей защитой.

Она поднялась и медленно подошла к нему. В мерцании свечи её лицо казалось сотканным из света и тени.

— Вы только что преступили свой главный обет, — тихо сказала она. — Вы, инквизитор, защищаете ведьму. Знаете, что это значит?

— Знаю. — Он смотрел ей прямо в глаза. — Это значит, что обратного пути больше нет.

Она протянула руку и коснулась его груди — там, где под тканью лежал медальон с золотой розой.

— Тогда идёмте, — сказала она. — Идёмте со мной туда, откуда нет возврата. И посмотрим, что ждёт нас там.

Он накрыл её руку своей ладонью. И впервые за долгие годы не отстранился.

— Идём, — сказал он.

За окном снова собиралась гроза.

Они сидели на каменном полу камеры, разделённые всего на шаг, и слушали, как дождь барабанит по крыше северной башни. Элиана протянула ему чашку с тёплым отваром — он сам не заметил, когда она успела заварить травы на маленькой жаровне в углу.

— Пейте, — сказала она. — Это снимет тяжесть с сердца.

— Вы пытаетесь меня отравить? — спросил он, и в голосе его впервые за вечер проскользнула ирония.

— Если бы я хотела вас отравить, — ответила она с улыбкой, — я бы выбрала яд без запаха. А это просто мята и Melissa. Пейте, не бойтесь. Ваша святая инквизиция не одобрит, конечно, что вы пьёте снадобье ведьмы, но, кажется, вы и так уже в числе самых больших грешников этой епархии.

Себастьян взял чашку, сделал глоток и почувствовал, как тепло разливается по груди. На вкус отвар был горьковато-сладким, с привкусом дыма и чего-то, напоминающего мёд.

— Хорошо, — сказал он.

— Конечно, хорошо, — кивнула она. — Я, между прочим, лучшая травница от Тулузы до Пиренеев. Спросите любого пастуха. Кстати, вас они боятся, а меня звали по имени. Странно устроен мир, не находите?

— Нахожу. — Себастьян глотнул ещё раз. — Расскажите мне про вашу мать. Вы сказали, что она была... связана с тамплиерами. Как?

Элиана помолчала, глядя на огонь жаровни. Когда она заговорила, голос её был тих и ровен, как течение реки в полдень.

— Моя мать была дочерью кузнеца из Кастельнодари. Когда ей было шестнадцать, в их деревню приехали люди в белых плащах с красными крестами. Они искали того, кто умеет читать древние письма. Мать умела — её обучил старый еврей, который жил у них в подвале

и платил за кров кувшином вина и уроками чтения. Тамплиеры увезли её в свой дом, и она стала... чем-то вроде писца. А потом — больше, чем писца. Она узнала то, что знать было опасно.

— Про розы? — спросил Себастьян.

— Про розы, — кивнула Элиана. — Семь золотых роз, семь хранителей. Каждая роза хранит частицу тайны, которая прокормила бы десять королевств или сожгла бы десять городов. И моя мать узнала, где спрятана четвёртая роза. За это её и убили.

— Кто?

— Тот, кто предал хранителей. Тот, кто охотится за розами. — Элиана подняла на него глаза. — И, боюсь, брат Себастьян, что этот человек знает, что золотая роза вашей матери теперь у вас.

В тишине камеры эти слова прозвучали как приговор.

— А ведьма из Монсегюра, — медленно проговорил Себастьян, — она его?..

— Она его цель, — просто сказала Элиана. — Он думал, что роза у меня. Поэтому и натравил на меня ваших коллег. Поэтому меня и приволокли в ваш замок. Он хотел, чтобы я выдала, где роза. А роза — у вас. Вы понимаете, что это значит?

— Это значит, — медленно сказал Себастьян, — что, пока роза у меня, опасно и мне.

— Опасно и вам, — подтвердила она. — И вашему ордену. И этому замку. И всему, что вы любите. — Она помолчала. — Но и это ещё не всё. Есть человек, который знает, как розы собрать. И если он соберёт все семь — он сможет открыть то, что хранители запечатали. И тогда восторжествует не правда. Восторжествует то, что он сочтёт правдой.

Себастьян долго молчал, глядя на пламя. Потом поставил чашку на пол.

— Я хочу найти своего отца, — сказал он. — Я хочу узнать, зачем моя мать умерла. И я хочу понять, что такое эти розы.

— Тогда нам нужно уехать, — ответила Элиана. — Из этого замка. Из этой епархии. От вашего епископа и его гонцов. Нам нужно уехать, пока он не пришёл за нами со своей стражей.

— Уехать? — переспросил Себастьян. — Вы предлагаете мне, инквизитору, бежать с ведьмой?

— Я предлагаю вам, — мягко сказала она, — спасти свою душу. Всё остальное — как получится.

Она поднялась и протянула ему руку. Он смотрел на её ладонь, исчерченную тонкими линиями судьбы, и понимал, что сейчас решается всё.

— Я пойду с вами, — сказал он, и собственная смелость удивила его самого. — Куда бы вы ни пошли.

Она улыбнулась — той улыбкой, от которой у него внутри всё переворачивалось.

— Тогда собирайтесь, брат Себастьян. Нам нужно успеть до рассвета.

Утро встретило их серым туманом, ползущим по долине. Себастьян стоял у окна своих покоев и смотрел, как замок пробуждается, не подозревая, что его инквизитор больше не вернётся.

В кармане у него лежал медальон с золотой розой. На груди — маленький кинжал, подаренный Элианой прошлой ночью: «На случай, если правда окажется острее, чем хочется».

Он не знал, что ждёт его впереди. Но впервые за четыре года он чувствовал, что жив.

По коридору скользнула тень — Элиана. Она была в плаще с накинутым капюшоном, с котомкой за плечами. Она остановилась в дверном проёме и посмотрела на него.

— Готовы?

— Готов.

Она усмехнулась.

— Врёте. Но это ничего. Пойдёмте.

И они вышли из замка — навстречу дороге, дождю и неизвестности.

◆ Глава 2. О том, как трудно быть святым

Утверждают, что дьявол искушает людей, являясь им в образе прекрасной женщины. Но если бы Господь создал женщину столь же неотразимой, как убеждение, что ты прав, — сколь многие праведники пали бы ещё в Эдеме!

Истинная же хитрость сатаны в том, что он заставляет нас думать, будто мы действуем по своей воле, когда на самом деле мы лишь следуем его замыслу.

И величайшее из его искушений — заставить человека поверить, что он может судить другого, не судя прежде себя.

Солнце поднялось над Пиренеями, но его лучи не принесли тепла. Осеннее небо было бледным и холодным, как лицо мертвеца, а ветер, дувший с гор, нёс с собой запах снега — первого снега, который вот-вот должен был укрыть вершины белым саваном.

Себастьян де Монфор ехал верхом по каменистой дороге, ведущей в долину, где располагалась резиденция епископа. Его конь, вороной жеребец по кличке Гром, тяжело дышал, то и дело встряхивая гривой. Камни скользили под копытами, и каждый шаг давался с трудом, но Себастьян не жалел животное. Время поджимало.

Вчерашняя ночь не принесла ему покоя. Он почти не спал — ворочался на жёсткой постели, глядя в потолок, расписанный сценами из жизни святых, и гадал, что скажет епископу, когда предстанет перед ним. «Ведьма остаётся под моей защитой», — сказал он брату Арно. Но какое право имел инквизитор защищать ту, кого должен был осудить?

Гром фыркнул и замедлил шаг, и Себастьян понял, что они почти приехали. Внизу, в долине, раскинулась усадьба епископа — небольшой замок, больше похожий на поместье знатного сеньора, чем на резиденцию слуги Божьего. Белые стены, черепичные крыши, аккуратные сады — всё это выглядело почти идиллически, если бы не высокие стены и стражники у ворот.

Себастьян спешился и передал поводья конюху, который выбежал ему навстречу.

— Отец инквизитор, — поклонился тот, пряча глаза. — Его преосвященство ждёт вас.

— Знаю, — ответил Себастьян, поправляя плащ. — Проводи меня.

Епископ Филипп де Бофор был человеком внушительной наружности — высокий, грузный, с лицом, которое когда-то могло казаться привлекательным, но теперь было изборождено глубокими морщинами, словно иссохшая земля. Он сидел в кресле у камина, попивая вино из позолоченного кубка, и когда Себастьян вошёл, не потрудился даже подняться.

— Брат Себастьян, — произнёс он с лёгкой насмешкой, — как я понимаю, вы проделали долгий путь. Надеюсь, вы привезли мне хорошие вести.

Себастьян остановился у порога, встретившись взглядом с епископом. Он знал этого человека достаточно хорошо, чтобы не питать иллюзий. Филипп де Бофор был политиком, а не служителем Божьим. Он заботился о власти и богатстве, а не о спасении душ.

— Ваше преосвященство, — сказал Себастьян, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — я пришёл просить вас об отсрочке. Дело о женщине из Монсегюра требует более тщательного расследования.

Епископ отставил кубок и наклонился вперёд, его глаза сузились.

— Более тщательного расследования? — переспросил он, и в голосе его зазвенела сталь. — Брат Себастьян, мне доложили, что вы уже держите эту женщину в замке. Три недели! И вы говорите мне о тщательном расследовании?

Он поднялся с кресла — медленно, словно давая себе время, чтобы обдумать каждое слово, — и подошёл к столу, на котором лежал свиток с королевской печатью.

— У меня есть приказ, — сказал он, беря свиток в руки. — Приказ от самого короля Филиппа. Его величество желает, чтобы еретики были наказаны быстро и показательно. Мон-

сегюр — это не просто село. Это колыбель альбигойской ереси. Каждый день, который мы медлим, — это ещё один день, когда яд распространяется дальше.

Себастьян сжал челюсти.

— Я знаю, ваше преосвященство. Но эта женщина не обычная ведьма. Она обладает знанием, которое может быть полезно ордену. Она знает о тамплиерах, об их тайных убежищах, о том, что они планируют.

Епископ замер, и на его лице мелькнуло выражение, которое Себастьян не мог прочесть. Страх? Удивление? Или нечто иное, более тёмное и опасное?

— Тамплиеры, — повторил он медленно. — Вы уверены, что она знает о тамплиерах?

— Она видела их, — ответил Себастьян, и это была правда — он видел их в её видении, тамплиера, который стоял у постели его умирающей матери. — Она может указать нам их убежища.

Епископ надолго замолчал, глядя в огонь камина. Когда он снова заговорил, голос его был тихим и почти ласковым.

— Брат Себастьян, вы человек умный, и я всегда ценил вашу преданность. Но вы должны понять: тамплиеры — это не наша забота. Их судьба решена. Король и папа уже подписали приказ об их аресте. Через неделю — не больше — не останется ни одного рыцаря Храма на свободе. Так что все их тайны перестанут иметь значение.

Он подошёл к Себастьяну и положил руку ему на плечо — жест, который должен был означать отеческое участие, но на деле был холодным и расчётливым.

— Отдайте мне ведьму, брат Себастьян. Сейчас. Я обещаю, что с ней обойдутся быстро и без лишних страданий. А вы вернётесь в Париж, где вас ждёт повышение и благословение самого папы.

Себастьян встретил взгляд епископа, и в этот момент он понял, что Филипп де Бофор боится. Боится не тамплиеров, не ведьмы — боится его, Себастьяна. Потому что он знал, что Себастьян может раскопать что-то, что лучше оставить погребённым.

— Я не могу отдать её, — сказал Себастьян тихо, но твёрдо. — Не сейчас. Позвольте мне ещё три дня. Если я не найду доказательств её невиновности — я передам её в руки церковного суда.

Епископ долго смотрел на него, и на его лице медленно расплылась улыбка — холодная, понимающая.

— Три дня, — повторил он. — И если вы не найдёте этих доказательств, я сам приеду за ней. И тогда уже ни вы, ни кто-либо другой не сможете её защитить.

Он протянул руку и сжал локоть Себастьяна.

— Берегите себя, брат мой. В вашем возрасте так легко оступиться и выбрать не ту дорогу. А я бы не хотел терять такого ценного сотрудника.

Себастьян высвободил руку, поклонился и, не произнося ни слова, вышел из зала.

На обратном пути он думал о словах епископа. «Уже подписали приказ об их аресте». Если это правда, то дни тамплиеров сочтены. Но зачем же тогда Филипп так боится, что Себастьян узнает о них?

Он пришпорил коня, и Гром понёсся по дороге, взбивая копытами облака пыли. Ветер свистел в ушах, и в этом свисте ему чудился голос, который он слышал в видении — голос тамплиера, стоявшего у постели его матери.

Он почти не заметил, как оказался у ворот замка. Брат Арно уже ждал его, встревоженный и бледный.

— Отец инквизитор, — произнёс он, когда Себастьян спешил, — у нас проблемы. Кто-то пытался проникнуть в северную башню.

Себастьян нахмурился.

— Что значит «кто-то»?

— Мы не знаем. Стражник, который стоял на посту, был найден мёртвым у подножия стены. Убит одним ударом ножа. В камере ведьмы всё было в порядке, но кто-то явно пытался пробраться к ней.

Себастьян почувствовал, как холодная волна страха окатила его с головы до ног.

— Она жива?

— Да, отец. Она жива. И утверждает, что знает, кто это был. Она просит, чтобы вы пришли к ней.

Когда Себастьян вошёл в камеру, Элиана стояла у окна, глядя на горы, и казалась совершенно спокойной — будто не она, а кто-то другой был объектом покушения.

— Вы знаете, кто это был? — спросил он, закрывая за собой дверь.

Она повернулась к нему, и на её лице появилась та самая мягкая улыбка, которая сводила его с ума.

— Знаю, — ответила она. — Это были люди епископа. Он хотел избавиться от меня, пока вы были в отъезде. Чтобы вы не успели меня защитить.

Себастьян подошёл к ней почти вплотную.

— Откуда вы знаете?

Она протянула руку и коснулась его щеки — и в этом прикосновении было столько доверия, что у него перехватило дыхание.

— Я видела, — прошептала она. — Я всегда вижу, что происходит. И я знаю, что вы пошли против епископа ради меня. Зачем, брат Себастьян? Зачем вы рискуете своей душой, своей карьерой, своей жизнью ради ведьмы?

Он хотел ответить, но слова застряли в горле. Он смотрел на неё, и всё, что он знал о долге, о вере, о справедливости, — всё это исчезало, как утренний туман, оставляя лишь одно: желание. Желание быть рядом с ней, защищать её, любить её.

— Я не знаю, — сказал он наконец, и его голос прозвучал хрипло. — Я не знаю, почему я здесь. Я не знаю, почему я не могу отпустить вас. Я только знаю, что если бы я позволил им забрать вас, я бы не смог жить дальше.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько света, что он на миг ослеп.

— Тогда оставайтесь, — сказала она. — Оставайтесь со мной. И мы вместе найдём правду.

Она снова взяла его за руку, и в этот раз он не отстранился. Он позволил ей прикоснуться к себе, и мир вокруг него снова потемнел, уступая место потоку видений.

Он видел себя — не таким, как сейчас, а другим, более молодым, с горящим взглядом и верой, которая могла свернуть горы. Он стоял на коленях перед алтарём, и его посвящали в рыцари ордена Храма. Он не был тамплиером, но он был кем-то, кто давал им клятву верности. Кем-то, кто знал об их тайнах.

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Себастьян открыл глаза и обнаружил, что сидит на полу камеры, а Элиана стоит над ним, и в её глазах застыла тревога.

— Вы видели? — спросила она.

— Я видел, — ответил он, и голос его звучал глухо. — Но я не понимаю. Я никогда не был тамплиером. Я давал клятвы только ордену доминиканцев.

— Ваша мать, — сказала она тихо. — Она была связана с ними. И она передала вам эту связь. Через медальон. Через кровь.

Себастьян поднялся на ноги, чувствуя, как в груди поднимается волна гнева и отчаяния.

— И что мне теперь делать? — спросил он. — Идти к тамплиерам и просить их о помощи? Они же будут искать меня так же, как и епископ.

Элиана шагнула к нему и встала так близко, что он слышал биение её сердца.

— Нет, — сказала она, и в голосе её зазвучала решимость. — Вы пойдёте не к тамплиерам. Вы пойдёте к людям, которые знают их тайны. К тем, кто хранит их наследие. К катарам.

Он смотрел на неё, и в её глазах горел тот же свет, который он видел в видении — свет, способный осветить даже самую тёмную ночь.

— Катары? — переспросил он. — Но они были уничтожены больше ста лет назад.

— Их дух не уничтожен, — ответила она. — Он жив. И он может спасти вас, если вы позволите.

Она протянула руку и коснулась его груди, туда, где под тканью лежал медальон.

— Откройте его, — прошептала она. — И вы узнаете правду.

Себастьян медленно поднял руку, нащупал застёжку медальона и открыл её.

Внутри, на пожелтевшем пергаменте, было написано всего несколько слов, но они перевернули всё, что он знал о своей жизни.

«Ты не сын того, кого называл отцом. Твой настоящий отец — рыцарь Храма, и его кровь течёт в твоих жилах. Найди его, пока не стало слишком поздно».

Он поднял глаза на Элиану, и в его взгляде было всё: гнев, страх, отчаяние, и ещё одно чувство, которое он не мог назвать, но которое делало его сильнее и слабее одновременно.

— Мы найдём его, — сказала она, словно читая его мысли. — Мы найдём твоего отца. И тогда ты узнаешь всю правду.

Он сжал её руку и, не говоря ни слова, вышел из камеры.

Ночь опускалась на Монсегюр, и в небе зажигались первые звёзды. Себастьян стоял на стене замка и смотрел вдаль, на тёмные силуэты гор, и думал о том, что его жизнь изменилась навсегда.

Внизу, в долине, зажглись огни костров — где-то там, в деревне, готовились к долгой осенней ночи. Он смотрел на этот свет и чувствовал, что в его душе тоже зажглась искра, которая может разгореться в пламя.

Он не знал, что ждёт его впереди. Но знал, что он не один.

Сзади слышались лёгкие шаги, и он обернулся. Элиана стояла на стене, кутаясь в плащ, и улыбалась ему.

— Я знала, что вы придёте, — сказала она.

Он улыбнулся в ответ — впервые за много дней.

— Я всегда буду приходить, — сказал он. — Потому что я не могу быть там, где нет вас.

Она подошла ближе, и он обнял её, чувствуя, как её тепло проникает в его холодное, окаменевшее сердце.

И в этот момент, под звёздным небом, над руинами альбигойских замков, он понял, что готов на всё. Что он пойдёт за ней на край света. Что он найдёт своего отца, узнает правду о тамплиерах и спасёт её, чего бы это ни стоило.

Потому что любовь — это величайшая из всех ересей.

И он был готов сгореть в её пламени.

Утром в замке поднялась тревога: стражники нашли в северной башне распахнутое окно, на подоконнике — срезанный решётчатый прут, а на полу — клочок серой шерсти. Инквизитор же объявил, что ведьма сбежала ночью, улучив момент, когда стража отвлеклась на пирушку, устроенную в честь приезда гонца от епископа.

Брат Арно, единственный, кто знал правду, молчал и только бледнел, глядя на своего наставника.

— Вы понимаете, что делаете? — спросил он шепотом, когда они остались одни.

— Понимаю, — ответил Себастьян. — И, может быть, впервые за долгое время поступаю правильно.

— Но почему?! — почти взмолился Арно. — Зачем вам, инквизитору, спасти еретичку? Вы же можете сгореть на том же костре, что и она!

Себастьян посмотрел на него, и в глазах его мелькнуло то, чего Арно никогда в них не видел: решимость человека, который наконец нашёл то, ради чего стоит жить.

— Потому что она сказала мне правду, — ответил он. — А правду, брат Арно, от меня никто никогда не говорил. Ни папа, ни король, ни орден. Только она.

Он взял со стола плащ, накинул его на плечи и направился к двери.

— Берегите замок, — бросил он через плечо. — И берегите себя. Если меня не будет к вечеру — не ищите.

— Отец инквизитор! — окликнул его Арно. — Но ведь вы даже не знаете, куда она могла пойти!

— Знаю, — сказал Себастьян, и на губах его появилась странная, почти мечтательная улыбка. — Туда, где цветёт золотая роза.

И он вышел, оставив Арно одного в тишине опустевшего кабинета.

Он нашёл её на рассвете у подножия гор, у старого развалившегося каменного сарая, который когда-то был часовней альбигойцев. Она сидела на поваленном столбе, грызла яблоко и смотрела, как он спешивается с коня, с таким видом, будто ждала его с ночи.

— Вы опоздали, — сказала она. — Я думала, вы придёте раньше.

— Конь сбросил подкову, — ответил он, стараясь не показать, как колотится его сердце. Она усмехнулась и бросила ему огрызок.

— Врёте. Вы просто боялись.

— Боялся? — переспросил он. — Чего мне бояться?

— Меня, — просто сказала она. — И себя. И того, что будет дальше.

Себастьян помолчал, потом привязал коня к столбу и присел на корточки напротив неё.

— Может быть, и боялся, — признался он. — Но вот я здесь.

Элиана долго смотрела на него, и в её глазах боролись какие-то чувства, которые она не спешила показывать. Потом она поднялась, отряхнула платье и подошла к нему вплотную.

— Тогда пойдём, брат Себастьян. Пока епископ не хватился и не обшарил все дороги до Тулузы. У нас с вами есть одно место, где нас никто не будет искать.

— Какое место?

— Там, где я выросла. — Она улыбнулась. — Гнездо воронов, которое уже сто лет как выжгли. Но вороны, знаете ли, возвращаются.

Она вскочила в седло второй лошади, которую, как выяснилось, заранее припрятала в сарае, и тронула поводья.

— Догоняйте, — бросила она через плечо. — А я пока подумаю, как отучить вас бояться самого себя.

И Себастьян поскакал вслед за ней, впервые за четыре года чувствуя, что поступает правильно, — какой бы ересью это ни казалось со стороны.

Они ехали молча, держась тенистых опушек леса, в стороне от больших дорог. Элиана вела уверенно, не оглядываясь на замок, и Себастьян, следуя за ней, вдруг поймал себя на том, что смотрит не на дорогу, а на её спину, на рыжие волосы, выбивающиеся из-под капюшона, на то, как она держит поводья — легко, почти небрежно, словно родилась в седле.

— Вы долго будете на меня смотреть? — спросила она, не оборачиваясь.

Себастьян смутился. Он был уверен, что она не видит его взгляда со спины.

— Откуда вы...

— Я чувствую, — коротко ответила она. — Когда на меня смотрят, у меня между лопаток начинает чесаться. Особенно когда смотрят с таким выражением, как у вас сейчас.

— С каким выражением? — спросил он, стараясь придать голосу безразличие.

— С таким, будто вы пытаетесь решить, кто я на самом деле: ведьма, посланница небес или ваше наваждение.

Он хотел возразить, но не нашёл слов. Потому что именно это он и пытался решить.

— И что же вы мне посоветуете? — спросил он наконец.

Она обернулась и посмотрела на него в упор. Ветер играл её волосами, и в этом движении было что-то такое живое, что у него на миг перехватило дыхание.

— Не пытайтесь решить, — сказала она. — Просто примите, что я здесь. И что я не уйду. А остальное — как сложится.

Она отвернулась и пришпорила лошадь, уходя вперёд.

Себастьян поскакал следом, чувствуя, как в груди разгорается то самое пламя, которое он так долго пытался погасить молитвами.

К полудню они добрались до небольшой пещеры в скалах, которую Элиана называла «тихим домом». Внутри было сухо, пол устилала старая солома, а в углу стоял глиняный кувшин с водой. Кто-то явно подготовил это убежище заранее.

— Здесь можно отдохнуть до вечера, — сказала она, спешиваясь. — Дальше поедем ночью. Днём нас слишком легко заметить с дозорных вышек.

Они вошли внутрь, и он помог ей развести небольшой огонь. В свете пламени её лицо казалось тёплым, почти домашним, и Себастьян вдруг поймал себя на мысли, что уже не представляет своей жизни без этого лица.

— Вы думаете, он будет нас искать? — спросил он.

— Епископ? — Она усмехнулась. — Обязательно. Он уже, наверное, рвёт на себе рясу от злости. Но он будет искать нас не там, где мы есть. Он будет искать нас там, где он сам спрятал бы ведьму, если бы был инквизитором. А я — не он.

— И где же он будет искать?

— На дорогах, ведущих в Париж. В монастырях. У его людей — привычка искать там, где светло. А мы с вами пойдём туда, где темно.

— Куда именно?

— В Каталонские горы. Там есть одно место — старая крепость, где когда-то укрывались мои предки. Никто туда не сунется. Даже епископ.

Себастьян покачал головой.

— Вы уверены, что это разумно? Идти в горы, где нет ни дорог, ни людей?

— Зато есть то, что нам нужно, — ответила она. — Там, в развалинах старого аббатства, мой отец спрятал часть записей о розах. Я не знаю, что именно там написано, но если мы сможем их найти — мы узнаем, кто охотится за розами и зачем.

— А если нас опередят?

— Не опередят. — Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько уверенности, что он поверил ей безоговорочно. — Потому что про это аббатство знаю только я. И больше никто.

Они замолчали, глядя на огонь. В пещере было тихо, только снаружи шумел ветер, да где-то вдалеке кричали птицы.

— Я хочу спросить вас, — сказал Себастьян неожиданно. — Что вы чувствуете, когда касаетесь людей? Боль? Страх? Или то, что они сами боятся чувствовать?

Она подняла на него глаза. В них было то же зеленое сияние, то он впервые заметил в зле вопроса.

— Всё сразу, — ответила она. — Когда я касаюсь человека, я вижу его прошлое. Лучшие моменты — и худшие. Я вижу, как он родился, как умерли его родители, кого он любил и кого предал. И это иногда бывает невыносимо. Но есть и другая сторона. Я вижу то, что человек хотел бы забыть. И это помогает мне понимать, почему он такой, какой он есть.

— И что вы видите во мне? — оросил он, и глот его дрогнул.

Она молчала долго, так долго, что он уже почувствовал, что ступил за невидимую черту.

— Я вижу мальчика, который потерял мать слишком рано, — сказала она наконец. — И который так и не смог её отпустить. Я вижу мужчину, который всю жизнь искал отца. И я вижу человека, который боится любви больше, чем смерти.

— Потому что любовь — это единственное, что он не может контролировать, — сказал он, завершая её мысль.

Она кивнула.

— Именно поэтому.

Себастьян сжал в руке медальон, чувствуя, как от него исходит тепло, и вдруг понял, что ему есть, что ответить.

— Может быть, я и боюсь любви, — сказал он. — Но я боюсь её потерять ещё больше.

Она не ответила. Но на её губах появилась та самая улыбка, ради которой, как он вдруг понял, он был готов пойти на любой костёр.

♦ Глава 3. О том, как побег становится началом, а не концом

Мысль — это тень, которую разум отбрасывает на стену небытия.

И чем ярче свет, тем длиннее тень.

Но если ты решил бежать от собственной тени,
знай: тьма всегда настигает тех, кто боится света.

И лишь тот, кто смотрит тьме в лицо,
может увидеть звёзды за её спиной.

Брат Арно стоял в дверях кельи и смотрел на своего наставника с выражением, которое трудно было назвать иначе как «неподдельное замешательство». Себастьян де Монфор — человек, который никогда не нарушал ни одной заповеди, не пропускал ни одной заутрени и не позволял себе даже капли вина во время поста — сейчас сидел на краю кровати и сосредоточенно зашнуровывал высокие дорожные сапоги.

— Отец инквизитор, — осторожно начал Арно, — вы уверены, что это необходимо? Мы можем просто отправить гонца в Тулузу за подкреплением. Или дожидаться приезда комиссара из Парижа. Епископ не посмеет...

— Епископ посмеет, — перебил его Себастьян, не поднимая глаз. — И он приедет не один. С ним будет отряд церковной стражи, два инквизитора из Керси и, возможно, сам генеральный прокурор. Я знаю Филиппа де Бофора. Он не из тех, кто прощает поражения.

Арно нервно переступил с ноги на ногу. В свои двадцать лет он был ещё слишком молод для таких разговоров, и его лицо — бледное, с едва заметным пушком над верхней губой — выдавало волнение, которое он тщетно пытался скрыть.

— Но почему вы не хотите просто отдать её, отец? — спросил он, и в голосе его прозвучала искренняя боль. — Она всего лишь ведьма. Таких, как она, по всей Франции сотни. Зачем рисковать своей душой и своей должностью ради одной женщины?

Себастьян наконец поднял глаза. В его взгляде было столько стали, что Арно невольно сделал шаг назад.

— Она не «просто ведьма», брат Арно. Она знает то, что может изменить всё. И если я позволю епископу забрать её, мы никогда не узнаем правды. О тамплиерах, о заговоре, о том, что происходит на самом деле.

— О тамплиерах? — Арно нахмурился. — Но тамплиеры... они же еретики. Их уже арестовали. Завтра, говорят, папа издаст буллу о роспуске ордена.

— Завтра, — повторил Себастьян, и в его голосе прозвучала горькая насмешка. — Да, завтра. Но почему именно завтра? Почему не сегодня, не вчера, не месяц назад? Кто решил, что именно сейчас настал час для их уничтожения?

Арно открыл рот, чтобы возразить, но передумал. Вместо этого он спросил:

— Вы хотите сказать, что кто-то использует нас как орудие? Что весь этот процесс — заговор?

— Я хочу сказать, что я не знаю, — ответил Себастьян, затягивая последний узел на сапоге. — Но я собираюсь это выяснить. И если это означает, что я должен нарушить свой обет, стать еретиком и бежать с ведьмой — что ж, значит, так тому и быть.

Арно медленно покачал головой, но в его взгляде мелькнуло нечто похожее на уважение.

— Я не понимаю вас, отец, — сказал он. — Но я не буду мешать. И, если понадобится, я солгу. Скажу, что не знаю, куда вы ушли.

Себастьян поднялся, положил руку на плечо своего юного помощника и сжал его — коротко, по-отечески.

— Спасибо, Арно. Если я не вернусь...

— Вы вернётесь, — перебил его Арно, и в голосе его прозвучала твёрдость, которой он сам от себя не ожидал. — Вы всегда возвращаетесь. Даже когда вам не следовало бы.

Они обменялись улыбками — неловкими, почти виноватыми, но искренними. А затем Себастьян вышел в коридор и направился к северной башне.

Себастьян отпер дверь камеры и вошёл. Элиана уже стояла посреди комнаты, одетая в длинный тёмный плащ, и держала в руках маленькую суму, туго набитую травами и склянками.

— Я знала, что вы придёте, — сказала она, и в её голосе прозвучала та самая насмешка, которая сначала раздражала его, а теперь казалась такой знакомой и родной. — Вы всегда предсказуемы, брат Себастьян.

— Не всегда, — ответил он, закрывая дверь. — Иначе я бы не стоял здесь, глядя на ведьму, которую должен был сжечь.

— И всё же вы здесь, — она шагнула к нему и встала так близко, что он слышал её дыхание. — Значит, вы уже сделали свой выбор.

— Я сделал его в ту ночь, когда увидел ваши глаза, — сказал он, и слова вырвались прежде, чем он успел их обдумать. — В ту ночь, когда вы показали мне правду о моей матери. И о том, кем я должен стать.

Она улыбнулась, и в её взгляде мелькнуло что-то, от чего у него перехватило дыхание.

— А вы, оказывается, умеете быть романтичным, отец инквизитор. Я и не думала, что в вас есть такие задатки.

— Это не романтика, — ответил он, пытаясь сохранить остатки достоинства. — Это элементарная логика. Если я позволю вам умереть, я никогда не узнаю правду. А если я не узнаю правду — я никогда не буду свободен.

Она усмехнулась и наклонила голову набок, разглядывая его так, словно видела впервые.

— Вы очень забавный человек, брат Себастьян. Вы говорите о свободе, но при этом надеваете на себя кандалы ваших же правил. Вы хотите быть честным, но лжёте себе. Вы хотите любить, но боитесь любви.

Она шагнула ближе и положила ладонь ему на грудь, туда, где под тканью лежал медальон.

— И всё же, — прошептала она, — вы здесь. И я здесь. И мы идём вместе. Значит, что-то в нас всё-таки есть общее.

Себастьян накрыл её руку своей и сжал её — не больно, но ощутимо.

— Мы идём вместе, — повторил он. — Но куда?

Она отняла руку и развернулась к узкому окну, за которым клубилась предрассветная мгла.

— В Париж, — ответила она. — Туда, где можно найти ответы. Туда, где ждут те, кто знает правду о тамплиерах.

— Париж, — повторил он, и в голосе его послышалась тревога. — Но это слишком далеко. И слишком опасно. Епископ уже, наверное, послал гонцов во все соседние епархии с описанием нас.

— Ну, — она обернулась и усмехнулась, — если бы мы были обычными беглецами, это было бы проблемой. Но я — ведьма. А вы — инквизитор. У нас есть преимущество.

Она подошла к нему и провела ладонью по его плечу, и там, где касались её пальцы, появилось лёгкое мерцание — словно ткань плаща на миг стала прозрачной, а затем снова обрела плотность.

— Я наложила на нас заклинание, — сказала она. — Пока мы рядом, никто не сможет нас увидеть. По крайней мере, если они не будут смотреть слишком внимательно.

Себастьян почувствовал, как холодок пробежал по спине. Магия — та самая, которую он преследовал, судил и сжигал заживо — теперь касалась его самого. Но, странно, это не вызывало в нём отвращения. Это было... захватывающе.

— Вы всегда так делаете? — спросил он, и в голосе его прозвучала лёгкая хрипотца. — Вводите инквизиторов в грех с помощью чар?

— Только тех, которые этого заслуживают, — ответила она с озорной улыбкой. — А теперь тихо. Кто-то идёт.

В коридоре действительно послышались шаги — тяжёлые, размеренные, принадлежащие человеку, который привык командовать. Себастьян напрягся, готовый в любой момент обнажить меч.

Но шаги затихли за поворотом, и в следующее мгновение в камеру протиснулся брат Арно, запыхавшийся и взволнованный.

— Отец инквизитор, — выдохнул он, — там... там отряд епископа. Они уже у ворот. Человек двадцать, все вооружены. Они говорят, что имеют приказ арестовать вас за пособничество еретикам.

Себастьян и Элиана переглянулись. В её взгляде читалось понимание — она знала, что это произойдёт раньше, чем он предполагал.

— Мы уходим, — сказал он, оборачиваясь к Арно. — Ты сказал им, что я в замке?

— Я сказал, что вы отправились на охоту рано утром и должны вернуться к вечеру, — ответил Арно, и на его лице появилась та самая неловкая улыбка. — Но вряд ли они поверят. Особенно когда увидят пустую камеру ведьмы.

— Тогда нам нужно спешить, — сказала Элиана, и она взяла Себастьяна за руку. — Идёмте. Я знаю потайной ход.

Она выскользнула в коридор так же бесшумно, как кошка, и Себастьян последовал за ней, оставляя Арно в камере одного, с растерянным видом и с медальоном, который он успел снять и вручить помощнику.

— Если я не вернусь, — прошептал он, — передай это моему брату. Если он ещё жив.

Арно сжал медальон в ладони и кивнул.

— Идите, отец. Господь с вами. И с ней тоже.

Элиана вела его по узким, пыльным коридорам, о которых Себастьян даже не подозревал. Они спускались всё ниже, в подземелья, где воздух был тяжёлым и холодным, а стены были покрыты слоем плесени и мха.

— Это старые ходы, — объясняла она, не оборачиваясь. — Их проложили ещё катары, когда строили замок. Они вели к подземным источникам и к выходу из долины. Никто не знает о них, кроме тех, кто хранит их тайну.

— И вы знаете, — сказал он.

— Я знаю всё, что связано с альбигойцами. Это моя кровь. Моя история.

Она остановилась у массивной каменной плиты, которая на первый взгляд казалась частью стены. Элиана провела по ней рукой, и камень сдвинулся, открывая узкий проход, за которым виднелся свет — бледный, утренний, но всё же достаточно яркий, чтобы они могли видеть друг друга.

— Здесь, — сказала она, протягивая ему руку. — Мы почти на свободе.

Он взял её руку и шагнул в проход.

Снаружи было холодно. Небо только начинало светлеть, и по долине стелился туман, делая очертания деревьев размытыми и призрачными. Себастьян оглянулся на замок, который возвышался на холме, словно каменный страж, готовый обрушить на них свою ярость.

— Мы не можем пойти пешком, — сказал он. — Лошади в конюшне, но их могут охранять.

Элиана усмехнулась и показала на невысокий холм, у подножия которого стоял деревянный сарай, почти скрытый зарослями орешника.

— Там есть лошади. Я позаботилась об этом заранее.

— Как вы могли?

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько озорства, что он невольно улыбнулся в ответ.

— Я ведьма, брат Себастьян. Мы всегда предусматриваем запасные варианты.

Через час они уже ехали по горной тропе, оставив замок далеко позади. Утренний свет медленно разгонял туман, и мир вокруг обретал чёткость и ясность — как если бы сама природа соглашалась с их решением бежать.

— Куда мы направляемся? — спросил он, когда они остановились у небольшого ручья, чтобы напоить коней.

— В одно место, где нас не будут искать, — ответила она, спешиваясь. — Там, где живёт человек, который знает тамплиеров. Он сможет помочь нам найти вашего отца.

Себастьян опустил на землю рядом с ней, чувствуя, как усталость наваливается на плечи.

— Вы уверены, что мы сможем доверять ему?

— Я доверяю ему, — ответила она, и в её голосе послышалась твёрдость. — Он — мой брат. Мой настоящий брат. Тот, кто спас мне жизнь, когда я была маленькой.

Она подняла на него взгляд, и в нём была уязвимость, которую он не видел в ней раньше.

— Вы не должны бояться, брат Себастьян. Мы вместе. И мы обязательно найдём правду. Какой бы она ни была.

Он протянул руку и коснулся её щеки — кончиками пальцев, словно боялся, что она растворится в воздухе.

— Я не боюсь, — сказал он. — Я просто... не привык доверять. Никому. Даже себе.

— Это пройдёт, — ответила она, и её улыбка была тёплой, как солнечный свет. — Всё пройдёт. Но сначала нам нужно добраться до её источника.

Она поднялась и протянула ему руку.

— Вставайте, брат Себастьян. Путь будет долгим. Но мы успеем.

Он взял её руку и поднялся, чувствуя, как в груди разливается тепло, не имеющее ничего общего с утренним солнцем.

Они снова сели на коней и двинулись дальше, вниз по тропе, в сторону долины, где их ждали новые тайны, новые опасности — и, возможно, спасение.

Но никто из них не знал, что в тот же самый момент, в небе над Пиренеями, появилась стая чёрных птиц, описавшая круг над их головами.

Элиана подняла голову и на мгновение остановилась.

— Что это? — спросил Себастьян, заметив её тревожный взгляд.

Она не ответила. Она просто смотрела на птиц, кружащих над ними, и в её глазах мелькнула тень страха, которую она не могла скрыть.

— Они следят за нами, — сказала она наконец. — Епископ знает, что мы ушли. И он не даст нам уйти далеко.

Себастьян прищипорил коня, и Гром рванул вперёд, словно чувствуя тревогу своего хозяина.

— Тогда нам нужно успеть, — крикнул он через плечо. — Держитесь за мной, и мы уйдём от них.

Элиана поскакала следом, и ветер развеивал её волосы, как знамя.

Они мчались по горной тропе, оставляя за собой пыль и прошлое, и в этом бегстве было столько же отчаяния, сколько и надежды.

Потому что они знали: то, что ждало их впереди, стоило того, чтобы рискнуть всем.

Даже жизнью.

К полудню дорога вывела их к перевалу, откуда открывался вид на долину, залитую солнцем. Внизу, у изгиба реки, виднелась деревня — несколько десятков домов, церковь, мельница. Обычная, ничем не примечательная деревушка, каких по Лангедоку сотни.

— Здесь мы можем передохнуть, — сказала Элиана, останавливая лошадь. — У меня здесь есть знакомая. Она держит постоянный двор и не задаёт лишних вопросов.

— Не задаёт вопросов? — переспросил Себастьян с сомнением.

— Ей шестьдесят лет, — ответила Элиана с улыбкой. — В её возрасте перестаёшь интересоваться чужими грехами. Особенно если за них хорошо платят золотом.

Они спустились в деревню и остановились у низкого каменного дома с вывеской, на которой было изображено что-то, отдалённо напоминающее гуся. Хозяйка — дородная женщина с лицом, изборождённым морщинами, и руками, привыкшими к тесту и кастрюлям, — встретила их без особого удивления, только хмыкнула, увидев Элиану в мужском плаще.

— Опять ты, — сказала она. — Привела очередного "паломника"?

— Он не паломник, тётя Мари, — ответила Элиана, входя в дом. — Он мой спутник. Ему нужны комната, горячая вода и ужин. И ни одного вопроса.

— Вопросы дорого стоят, — хозяйка смерила Себастьяна оценивающим взглядом. — Для тех, кто умеет платить, они бесплатны не бывают.

Себастьян протянул ей серебряную монету. Женщина ловко спрятала её в передник и кивнула на лестницу.

— Вторая дверь налево. Вода будет через час.

Они поднялись в комнату. Она была маленькой, но чистой — кровать с соломенным матрасом, стол, табурет, узкое окно, выходящее во двор. Себастьян закрыл дверь и повернулся к Элиане.

— Вы знаете её давно?

— Она выходила меня, когда я болела в детстве, — ответила Элиана, снимая плащ. — Моя мать и она были подругами. Тётя Мари из тех, кто не верит в ведьм, потому что слишком хорошо знает людей.

Она села на кровать и вытянула ноги, устало закрыв глаза. Себастьян заметил, как она похудела за эти дни, как тени залегли под глазами. Ей тоже было нелегко — может быть, даже тяжелее, чем ему.

— Отдохните, — сказал он. — Я посторожу.

— Посторожите? — Она открыла один глаз и посмотрела на него с усмешкой. — Вы хотите сказать, что будете сидеть тут и смотреть на меня, пока я сплю?

— Если нужно.

— Ну что ж, — она легла на подушку и накрылась плащом, — тогда смотрите. Только не перенапрягайтесь. А то у вас глаза лопнут от усердия.

И она закрыла глаза. Через минуту её дыхание стало ровным и глубоким — она уснула так же легко, как спят животные, умеющие использовать каждую минуту отдыха.

Себастьян сел на табурет у окна, вынул медальон и долго смотрел на золотую розу в свете угасающего дня.

«Что же ты такое? — думал он. — И почему из-за тебя умирают люди?»

Ответа не было. Только тихое дыхание спящей женщины за его спиной и далёкий крик чёрных птиц в небе.

Спустились сумерки, а вместе с ними — и долгожданная горячая вода. Тётя Мари принесла большой деревянный ушат, чистое бельё и ужин: дымящийся горшок с похлёбкой, свежий хлеб, кувшин вина. Себастьян с удивлением почувствовал, как голоден.

— Поешьте, — сказала Элиана, садясь за стол. — В дороге нельзя быть голодным. Иначе мысли путаются, а нам ясная голова нужна.

Он кивнул и принялся за еду. Ел молча, сосредоточенно, как человек, привыкший к простой пище. Элиана наблюдала за ним, и в её взгляде было что-то тёплое, почти домашнее.

— Вы знаете, что вы совсем не похожи на инквизитора? — спросила она вдруг.

— Это как понимать?

— Вы не злой. Злые люди не спрашивают «почему». Они просто действуют. А вы всё время спрашиваете.

Он отложил ложку и встретился с ней взглядом.

— А вы? Вы похожи на ведьму?

— Конечно, похожа, — она усмехнулась. — Но если вы расскажете кому-нибудь, что это всего лишь дар видеть прошлое и немного трав, мне придётся вас проклясть. Для репутации.

Он невольно улыбнулся — и, поймав себя на этом, смутился. Он не привык улыбаться. За годы службы улыбка стала для него роскошью, которой он не мог себе позволить.

— Знаете, — сказал он, — вы единственный человек, который заставляет меня улыбаться. И это меня пугает.

— Ничего, — ответила она. — Привыкнете. Правда, у нас с вами на это не так много времени.

Она поднялась и подошла к окну. В сгущающихся сумерках её силуэт казался хрупким, почти невесомым.

— Завтра мы выедем на рассвете, — сказала она. — Нам предстоит долгий путь. Мой брат живёт далеко отсюда. Но он знает дорогу к правде.

— А вы уверены, что он захочет нам помочь?

— Уверена. — Она обернулась, и в её глазах мелькнула та самая искра, которую он уже научился узнавать. — Потому что он тоже ищет правду. И он знает, что одному ему её не найти.

Она помолчала, потом тихо добавила:

— Ложитесь спать, брат Себастьян. Я посторожу.

— Это я предлагал вам.

— А я предлагаю вам, — она улыбнулась. — Спокойной ночи. И пусть вам приснится то, чего вы ищете.

Себастьян лёг на лавку у стены, укрылся плащом и долго смотрел в потолок. За окном шумела река, где-то лаяли собаки, а в комнате было тихо — только дыхание женщины у окна, стоящей на страже его сна.

И, сам не заметив, он провалился в глубокий, без сновидений сон — впервые за много лет.

Аврора встретила их на перевале, куда они поднялись ещё до рассвета, решив не дожидаться, пока деревня проснётся и начнутся ненужные вопросы. Розовая полоса света лежала над горами, как рана на небе, и ветер был ледяным, хотя солнце уже поднималось над острыми пиками.

— Отсюда видно весь путь, — сказала Элиана, останавливая коня. — Если нас кто-то преследует, мы это увидим.

Они оглянулись. Внизу, в долине, замок Монсегюр выглядел маленьким и далёким — игрушечная крепость из детских снов, а не каменная твердыня, из которой они бежали.

— Странно, — сказал Себастьян. — Начинаешь ценить место, где оставил часть себя, только когда уходишь от него навсегда.

— А я своё не оставляла, — ответила Элиана тихо. — Я его никогда и не имела.

Он посмотрел на неё. В утреннем свете её лицо казалось уставшим, но спокойным.

— Вы никогда не говорили о себе, — сказал он. — Что вы помните из детства?

Она помолчала, глядя в долину.

— Я помню пожар, — сказала она наконец. — Мне было семь. Горела наша деревня. Катаров жгли не за то, что они катары — их жгли за то, что они прятали трёх людей, которых искала инквизиция. Моя мать вывела меня из огня. Она погибла потом, спустя годы, — но не от меча и не от огня. Её убили из-за розы. Как и вашу мать.

Себастьян сжал поводья.

— Потому что она была хранительницей.

— Она была одной из семи, — ответила Элиана. — И моя мать передала ей тайну. А потом её убили. И тайна перешла ко мне. Просто потому, что я была рядом.

Она повернулась к нему, и в её глазах была странная смесь вызова и грусти.

— Я никогда не хотела этого дара, брат Себастьян. Видеть прошлое людей, когда касаешься их. Я хотела быть обычной. Выйти замуж, рожать детей, лечить простуду и ломанные руки. А вместо этого я вижу чужие страхи и чужие грехи. И это тяжело.

— Почему вы мне это рассказываете?

— Потому что вы идёте со мной туда, где правда окажется тяжелее, чем вы можете представить. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — И потому что вы должны знать, что я не просто «ведьма из Монсегюра», которую можно сжечь и забыть. Я — тот, кто хранит тайну, ради которой люди умирали веками. И если эта тайна откроется, погибнуть могут все, кто к ней прикоснётся.

— И вы всё равно идёте туда?

— Я не могу не идти, — она развела руками. — Это моя кровь. Моя судьба. И, может быть, мой долг — завершить то, что начала моя мать.

Ветер развевал её волосы, и в этот момент она показалась Себастьяну не ведьмой, а воином — хрупким, но несгибаемым, как тростник, который гнётся под ветром, но не ломается.

— Тогда идём вместе, — сказал он. — И пусть будет что будет.

Она улыбнулась — той улыбкой, от которой у него сжималось сердце.

— Идём.

И они тронули коней, спускаясь по другой стороне перевала, туда, где между горами лежала долина, где жил человек, знающий тайну роз — брат Элианы, Рауль.

Спуск был долгим. Солнце поднималось всё выше, и к полудню они уже ехали по тенистому лесу, где воздух был напоён запахом хвои и влажного мха. Река шумела где-то справа, в овраге, и её голос был ровным, успокаивающим, как молитва.

— Здесь недалеко, — сказала Элиана. — За этим лесом будет старая мельница. Рауль живёт рядом с ней.

— Он знал, что вы придёте?

— Он знал, что я вернусь, — поправила она. — Когда-нибудь. Рауль умеет ждать. Он научился этому в ордене. Хранители умели ждать по десять, по двадцать лет.

Себастьян невольно задумался о том, что значит уметь ждать десятилетиями. Он сам не умел ждать и месяца — ему всегда нужно было действие, ответ, результат. А эти люди, о которых говорила Элиана, умели хранить тайну веками.

— Скажите, — спросил он, — а почему тамплиеры вообще доверили эти тайны женщине? Вашей матери?

Элиана усмехнулась.

— Потому что женщины умеют молчать, когда это нужно. И потому что ни одна инквизиция не придёт искать тайну у дочери кузнеца, которая лечит людей травами. Это был самый надёжный тайник — доверить тайну той, кого никто не будет искать.

— Умно.

— Да. — Она посмотрела на него. — Так же, как умно было отдать золотую розу в руки инквизитора, который никогда бы не вскрыл медальон, если бы не встретил меня.

Он сжал медальон под тканью плаща.

— Так она случайно попала ко мне.

— Ничего не бывает случайно, брат Себастьян. — Она остановила коня, прислушиваясь.
— Мы почти на месте. Я слышу воду мельницы.

Действительно, где-то впереди слышался ровный стук — деревянное колесо, вращаемое водой. И сквозь деревья уже виднелись очертания соломенной крыши.

— Приготовьтесь, — тихо сказала Элиана. — Рауль старше меня и мудрее. Он многое видел и многое потерял. Но он — единственный человек, которому я доверяю больше, чем себе.

Они выехали на поляну, и перед ними открылась старая мельница — почерневшая от времени, с замшелым колесом, медленно вращавшимся в тёмной воде.

И у дверей мельницы, опираясь на палку, стоял человек — высокий, седой, с лицом, изрезанным морщинами, как старая кора. Он смотрел на путников, и в его глазах было удивление, смешанное с чем-то, что трудно было прочесть.

— Элиана, — сказал он, и голос его был низким, как шум реки. — Я знал, что ты вернёшься. Но не думал, что приведёшь с собой инквизитора.

— Это не инквизитор, Рауль, — ответила она, спешиваясь. — Это человек, который ищет правду. Так же, как мы.

Рауль долго смотрел на Себастьяна, и в его взгляде было что-то, от чего у Себастьяна по спине пробежал холодок. Как будто старик видел больше, чем мог видеть обычный человек.

— Правду, — повторил Рауль. — Ну что ж, входите. Правда, она не любит, когда её ищут при свете дня. Но мы с вами, похоже, уже прошли ту точку, где можно сомневаться.

Он развернулся и вошёл в дом, оставив дверь открытой. Элиана посмотрела на Себастьяна и кивнула.

— Идём, — сказала она. — И помните: здесь мы среди своих.

И они вошли в тёмную, пропахшую мукой и старым деревом мельницу, где их ждали ответы на вопросы, которые они ещё не научились задавать.

◆ Глава 4. О том, как прошлое настигает даже беглецов

Каждый шаг от прошлого — это шаг к себе.

Но помни: прошлое не исчезает, оно лишь меняет обличье.

И когда ты думаешь, что убежал от теней,

они уже ждут тебя впереди, чтобы приветствовать как старого друга.

Горная тропа уходила вниз, петляя между вековыми дубами и замшелыми валунами. Деревья стояли плотной стеной, и только редкие просветы в кронах открывали вид на бледное осеннее небо. Воздух был пропитан запахом влажной земли и прелых листьев — тем особенным запахом, который бывает только в горах перед первым снегом.

Себастьян ехал впереди, позволяя Грому выбирать дорогу. Жеребец уверенно переступал по каменистому склону, его уши то и дело настораживались, улавливая звуки леса. Элиана следовала за ним на серой кобыле, которую она каким-то образом ухитрилась раздобыть ещё до побега. Себастьян не спрашивал, как ей это удалось. Он уже начинал понимать, что некоторые вещи лучше принимать, не пытаясь найти им рациональное объяснение.

Они ехали в молчании уже больше часа. Утренняя спешка сменилась усталым, размеренным движением, когда каждый звук казался громче, а каждый шорох — угрожающим. Себастьян то и дело оглядывался, проверяя, не следуют ли за ними чёрные птицы, но небо над ними было пустым и безоблачным.

— Мы почти на месте, — сказала Элиана, когда они выехали на небольшую поляну, окружённую высокими скалами. — Здесь, за этим уступом, находится пещера, где мы можем укрыться до вечера. А завтра на рассвете мы сможем добраться до деревни, где живёт мой брат.

Себастьян спешил и привязал Грома к низкой ветке. Он осмотрел поляну взглядом человека, привыкшего оценивать местность на предмет засады. Чисто. Ни следов, ни звуков, кроме тихого журчания ручья, текущего где-то за скалами.

— Ваш брат... — начал он, когда они устроились на мягком мху у входа в пещеру, — как его зовут? И почему он не ищет вас?

Элиана сидела, поджав колени, и перебирала сухие листья в своей суме, проверяя, уцелели ли её травы во время бегства. На её лице мелькнуло выражение, которое он не мог прочесть: смесь боли и гордости.

— Его зовут Рауль. Он был тамплиером. Нет, — поправилась она, заметив его удивление, — не таким, как те, кого вы знаете. Он был среди тех, кто покинул орден до того, как начались гонения. Он видел, куда всё идёт, и решил спасти свою душу. И свою жизнь.

— И где он сейчас?

— Он живёт в деревне неподалёку от Тулузы. Ведёт хозяйство, лечит людей, как и я когда-то. — Она усмехнулась, и в этой усмешке послышалась горечь. — Никто не знает, что он был рыцарем. Никто не знает, что он знает тайны, за которые можно заплатить жизнью.

Себастьян сел рядом с ней, и их плечи почти соприкасались. От неё исходило тепло — не только физическое, но и то, другое, что он начинал чувствовать всякий раз, когда она была рядом.

— И вы доверяете ему?

— Я доверяю ему свою жизнь, — ответила она просто. — И вашу тоже. Если он решит, что вы опасны, он не станет колебаться. Но он знает, что я никогда не приведу к нему врага.

Она повернулась к нему, и её взгляд был серьёзным, почти суровым.

— Он должен знать правду о вас, брат Себастьян. О вашей матери. О медальоне. О тайне, которую вы носите. И тогда он поможет нам.

Себастьян опустил глаза и сжал в ладони медальон, который висел у него на груди. Он чувствовал его вес — лёгкий, почти невесомый, но в то же время такой тяжёлый, что у него перехватывало дыхание.

— Что, если я не готов узнать правду? — спросил он, и его голос прозвучал глухо, словно доносился из-под воды. — Что, если эта правда уничтожит меня?

Она ничего не ответила, но её рука легла на его плечо — мягко, успокаивающе, словно она хотела передать ему часть своей силы.

— Я знаю, что вы готовы, — сказала она, и в её голосе не было сомнений. — Иначе вы бы не сидели здесь, рядом со мной, на краю пропасти. Вы бы остались в своём замке, вынесли бы мне приговор и ушли бы в Париж с чистой совестью. Но вы здесь. Значит, вы готовы.

Он поднял на неё глаза, и в его взгляде было столько боли, что у неё на миг перехватило дыхание.

— Я боюсь, — сказал он. — Я боюсь того, что я могу узнать. И я боюсь того, что я могу потерять.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько нежности, что его сердце сжалось.

— Вы не потеряете меня, — сказала она. — Я обещаю. Что бы вы ни узнали, я буду рядом. Потому что я тоже боюсь. Но вместе мы сможем преодолеть этот страх.

Они сидели в тишине, глядя, как закат медленно окрашивает небо в пурпурные и золотые тона. Где-то в лесу запела птица — одинокая, печальная, словно оплакивающая уходящий день. Себастьян чувствовал тепло её руки на своём плече и думал о том, что впервые за долгие годы чувствует себя... живым.

— Расскажите мне о вашей матери, — попросила она. — Я знаю лишь то, что видела в видении. Но я хочу услышать от вас.

Он помолчал, собираясь с мыслями. История его матери была той раной, которую он никогда не решался затронуть. Но сейчас, в этой тишине, рядом с ней, она казалась менее болезненной.

— Я почти не помню её, — сказал он наконец. — Мне было шесть лет, когда она умерла. Я помню только её глаза — они были похожи на ваши, такие же зелёные, с золотыми искрами. И помню её голос, когда она пела мне песни на ночь.

— Она была красивой?

— Она была прекрасной, — ответил он. — Настолько, что мой отец сказал: «Я готов продать душу дьяволу, лишь бы она была рядом». И он продал её, — добавил он с горечью. — По крайней мере, так гласит легенда.

— Что за легенда?

Себастьян помедлил, собираясь с духом. Это была тайна, которую он никогда никому не рассказывал — даже на исповеди. Но сейчас он чувствовал, что должен сделать это.

— Говорят, что мой отец заключил договор с тамплиерами. Он хотел спасти мою мать от болезни, которая убивала её. И они согласились помочь ему, но взамен потребовали медальон, который всегда был в нашей семье. Моя мать узнала об этом и попыталась помешать отцу. Она хотела уничтожить договор и сбежать вместе со мной. Но тамплиеры настигли её. И убили. А отец, узнав об этом, сошёл с ума и исчез.

Он замолчал, чувствуя, как в груди поднимается волна старой боли, которую он так долго пытался заглушить.

— Я вырос в монастыре, думая, что он умер. И только сейчас, благодаря вашему дару, я узнал, что он жив.

Элиана взяла его руку в свою и сжала её.

— Тогда мы найдём его, — сказала она твёрдо. — Мы найдём вашего отца, и он расскажет вам всю правду.

Она поднялась и стряхнула с платья сухие листья.

— А сейчас нам нужно отдохнуть. Завтра нас ждёт долгий путь. И, возможно, встреча с теми, кто не хотел бы, чтобы мы встретились.

Она улыбнулась ему — той самой улыбкой, которая могла растопить лёд даже в самом холодном сердце.

— Спите, брат Себастьян. Я посторожу.

Он хотел возразить, но усталость взяла своё. Он закрыл глаза и, прежде чем провалиться в сон, почувствовал, как её пальцы касаются его лба — легонько, словно ветерок, — и голос, шепчущий что-то тихое, что он не мог разобрать.

Но это было не важно. Важно было то, что он чувствовал себя в безопасности. Впервые за много лет.

Он проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Сначала он не понял, где находится, но потом всё вернулось: холодный камень, запах мха, и она — сидящая рядом, с встревоженным лицом.

— Тихо, — прошептала она. — Кто-то идёт. Я слышу шаги. Двое, может, трое.

Себастьян мгновенно пришёл в себя. Он схватил меч, лежавший рядом, и прижался к стене пещеры, вглядываясь в сумерки. Шаги действительно были слышны — тяжёлые, уверенные, приближающиеся к их убежищу.

— Может, это просто путники, — прошептал он, но сам не верил своим словам.

— Путники не идут по горам в такое время, — ответила она. — Это те, кто ищет нас.

Она встала рядом с ним, и он почувствовал, как её рука сжимает его запястье.

— Если это епископские люди, мы должны уйти. Сейчас.

Но было уже поздно. У входа в пещеру появилась тень, а затем и человек — высокий, широкоплечий, с лицом, скрытым капюшоном.

Себастьян шагнул вперёд, заслоняя Элиану собой.

— Кто вы? — спросил он, и голос его прозвучал резко, как удар меча.

Человек медленно поднял руки, показывая, что не вооружён.

— Не бойтесь, брат инквизитор, — сказал он, и голос его был мягким, почти ласковым. — Я не враг. Я пришёл, чтобы предупредить вас.

Он откинул капюшон, и Себастьян увидел его лицо — бледное, с глубокими морщинами, словно вырезанное из камня. Глаза, серые, как зимнее небо, смотрели на него с пониманием, которое он не мог объяснить.

— Кто вы? — повторил он.

— Меня зовут Жан де Ла-Рок, — ответил незнакомец. — Я был тамплиером. И я пришёл, чтобы спасти вас.

Элиана шагнула вперёд, и её лицо было бледным, как мел.

— Жан? — переспросила она, и в голосе её прозвучало удивление. — Вы... вы живы?

Он улыбнулся, и в этой улыбке было столько боли, что у Себастьяна сжалось сердце.

— Жив, как видишь, сестра. Но ненадолго. Епископ знает, что вы здесь. Он послал за вами своих людей. Они будут здесь через час. Вы должны уйти. Сейчас.

Себастьян и Элиана стояли на краю поляны, глядя, как Жан де Ла-Рок исчезает в темноте. Он сказал им, что встретится с ними в деревне, у старой мельницы, и что они должны быть там до заката следующего дня.

— Я не понимаю, — сказал Себастьян, когда они снова сели на коней. — Как он узнал, что мы здесь? И почему он помог нам?

Элиана покачала головой, и её лицо было задумчивым.

— Я не знаю, — ответила она. — Но я знаю, что ему можно доверять. Он был другом моего брата. И он знает тайны тамплиеров, которые могут спасти нас.

Она посмотрела на него, и в её взгляде мелькнула решимость.

— Мы должны добраться до мельницы. Это наш единственный шанс.

Себастьян кивнул, и они двинулись в путь, оставляя позади пещеру и опасность, которая поджидала их.

Но каждый из них знал, что их приключение только начинается.

И что впереди их ждут новые тайны, новые враги и, возможно, новые союзники.

А также тот, кто изменит их жизнь навсегда.

Они не проехали и часа, когда позади, за поворотом горной тропы, послышался дальний стук копыт — не один и не два, а целый отряд.

Себастьян натянул поводья, прислушиваясь. Гром, чувствуя тревогу хозяина, тревожно шевельнул ушами.

— Епископские люди? — спросила Элиана, уже зная ответ.

— Похоже на то. — Себастьян огляделся. Дорога здесь шла по открытому склону: ни тебе леса, ни укрытия — одни камни да чахлый кустарник. — Не успеем спрятаться. Придётся отрываться.

Он пришпорил коня, и Гром, рванувшись, понёсся вперёд, поднимая клубы пыли. Элиана летела следом, прижимаясь к седлу. Ветер свистел в ушах, камни сыпались из-под копыт, и всё это сливалось в один сплошной гул — гул погони, приближающейся с каждым мгновением.

Сзади послышался крик:

— Стойте! Именем епископа!

Себастьян не остановился. Он пригнулся к гриве, и ветер, разрывая его плащ, нёс ему запах пыли, конского пота и страха. Впереди, за поворотом, маячил лес — густая стена темноты, тёмная и спасительная.

— До леса! — крикнул он, не оборачиваясь. — Держись, Элиана!

Они влетели в чащу, когда за спиной уже свистели первые стрелы. Одна пролетела над головой, другая впиалась в ствол дерева в двух шагах от Себастьяна. Он пришпорил Грома сильнее, и конь, чувствуя опасность, рванул через кусты, ломая ветки, не разбирая дороги.

За ними, в чаще, послышался конский храп и ругань преследователей — они тоже вошли в лес, но медленнее, осторожнее боясь веток и копыт в темноте.

Себастьян оглянулся. В просвете между деревьями мелькнули силуэты всадников — четверо, может, пятеро. Они знали эту местность хуже, чем он, но их было больше, и они не собирались отступать.

Впереди, в глубине леса, зашумела река. Себастьян вспомнил — в этом месте горный поток разбивался о камни, образуя заводь, через которую можно было перейти вброд, но только в одном месте.

— За мной! — крикнул он Элиане. — Только точно по моему следу!

Гром, фыркая, спустился к самой воде. Через мгновение серая кобыла Элианы была рядом. Лошади, дрожа, ступили в холодный поток, и вода зашумела вокруг ног.

Преследователи выскочили на берег, когда Себастьян и Элиана были уже на середине брода.

— Они уходят! — крикнул кто-то.

— Они не пройдут, — ответил другой голос — злой, нетерпеливый. — Стреляйте!

Стрела просвистела мимо и утонула в воде. Другая ударила в седло, застряв в деревянной луке. Элиана вскрикнула, но удержалась в седле.

И тут Себастьян, перебравшись на дальний берег, повернулся и выхватил лук из чехла.

Он не собирался убивать. Он хотел одного — чтобы они запомнили, что связываться с беглым инквизитором дорого.

Первая стрела пролетела над головами преследователей и вонзилась в дерево на берегу, от которого они только что отъехали. Вторая ударила в землю у ног переднего всадника, и конь, шарахнувшись, сбил седока в воду.

— Больше не суйтесь в этот лес! — крикнул Себастьян, вкладывая в голос весь холод своей прежней службы. — Иначе следующая стрела будет не предупреждением!

Всадники, топчась на берегу, не решились пересекать брод: вода была холодной, течение — быстрым, а стрелок на той стороне явно умел стрелять.

Себастьян и Элиана ушли в лесную чащу за рекой, и вскоре мрак сомкнулся за ними, поглотив и звуки погони, и их самих.

Они не останавливались, пока не стемнело совсем. Усталые кони шли шагом, спотыкаясь о корни. Элиана, доехав до мелкой ложбины, спешила и, пошатываясь, присела на камень.

— Жива? — спросил он, спешиваясь рядом.

— Жива. — Она коснулась плеча, где стрела рассекла плащ. — Царапина. Ничего страшного.

— Надо перевязать.

— Не надо тратить время, — она поднялась. — Если епископские люди пойдут по следу, они будут здесь через час. Нам нужно уйти как можно дальше.

Себастьян молчал, глядя на неё. В темноте её лицо было бледным, но глаза — уверенные, спокойные.

— Вы невероятно сильная женщина, Элиана, — сказал он тихо. — Я начинал это путешествие, думая, что мне выпало судить ведьму. А теперь я не знаю, как бы справился без вас.

Она улыбнулась — той улыбкой, которую он уже любил.

— Взаимно, брат Себастьян. Я начинала его, думая, что мне выпало бегство от палача. А вышло так, что я бегу рядом с самым честным человеком, какого я встречала.

Они стояли в темноте, разделённые несколькими шагами, и лес вокруг вел им свою долгую, древнюю песню. Где-то впереди — через гребень, через долину — лежала мельница, где их ждал Жан де Ла-Рок.

— Идём, — сказал он наконец. — Мы успеем.

Они снова сели на коней и двинулись в темноту, навстречу ночи, навстречу неизвестности — как шли уже не первый день и как пойдут ещё не один.

Когда они наконец остановились на ночлег в заброшенной часовне на склоне холма, дождь уже барабанил по каменным плитам, а ветер завывал в разбитом окне.

— Здесь переночуем, — сказала Элиана, расседывая лошадь. — До мельницы осталось часа два. На рассвете мы будем на месте.

Себастьян развёл огонь в алтарной нише — сухие ветки и мох вспыхнули быстро, осветив закопчённые стены и остатки деревянного креста. Он сидел у огня, глядя на пламя, и думал о словах Жана де Ла-Рока.

— Вы верите, что он встретит нас у мельницы? — спросил он.

— Верю, — ответила Элиана, опускаясь рядом. — Жан не предаёт. Он мог бы, если бы захотел, но он не из таких.

— Откуда вы знаете?

— Я видела его прошлое, — тихо сказала она. — Когда он пришёл в пещеру и я коснулась его руки, я увидела то, что он нёс в себе: годы, проведённые в бегах, потери, верность до конца. Он не предаёт.

Себастьян смотрел на неё в свете костра и вдруг почувствовал, как в его груди поднимается то, что он не мог назвать, но что было сильнее страха и сомнений:

— А вы? Вы верите мне?

Элиана подняла на него глаза — в их золотистом свете была вся её душа.

— Я верю вам больше, чем себе, — ответила она. — И это пугает меня сильнее, чем любая погоня.

Он протянул руку и коснулся её пальцев — холодных, чуть дрожащих, — и в этом прикосновении было обещание, которое не требовало слов.

Всю ночь они просидели у огня, прислушиваясь к дождю и ветру, и между ними росло то, что не могли сломать ни годы, ни расстояния.

Под утро дождь стих, и Сквозь разбитое окно часовни пробился первый солнечный луч. Элиана затушила угли, и они вышли наружу — к свежести нового дня.

Внизу, в долине, уже виднелась мельница — старая, почерневшая от времени, но с живым, тёплым светом в окне.

— Она ждёт нас, — сказала Элиана. — И Жан. И правда.

Себастьян сжал её руку.

— Тогда идём.

И они начали спуск в долину, навстречу свету, навстречу тайне, навстречу тому, что должно было случиться.

◆ Глава 5. О том, как ночь открывает то, что день прячет

Когда две души встречаются во тьме,
они видят друг друга такими, какими их создал Создатель —
без масок, без брони, без страха.

И в этом мгновении они становятся единым целым,
и ничто во Вселенной не может их разделить.

Но помни: даже самая яркая звезда может погаснуть,
если её свет оскорбит ночь.

Дорога к мельнице оказалась длиннее, чем предполагала Элиана. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багряные тона, когда они выехали из леса на открытую равнину. Вдали виднелись очертания небольшого поселения — дымок над крышами, тёмные пятна садов, и на самом краю, у реки, силуэт старой водяной мельницы с обломанным колесом.

— Мы почти на месте, — сказала Элиана, и в голосе её послышалось облегчение. — Ещё час, и мы будем у цели.

Себастьян пришпорил коня, но Гром, уставший за долгий день, лишь тяжело вздохнул и замедлил шаг. Себастьян понимающе погладил его по шее и спешил.

— Нам нужно передохнуть, — сказал он. — Кони выбились из сил. Если мы продолжим в таком темпе, они просто упадут.

Элиана остановилась рядом, и он заметил, как её плечи поникли от усталости. Она держалась мужественно весь день, но сейчас, в вечерних сумерках, он видел, как сильно она измотана. Тени под глазами стали глубже, а движения — медленнее.

Он протянул ей руку, помогая спешиться, и она не отказалась. Её пальцы были холодными, и он задержал их в своей ладони чуть дольше, чем требовалось.

— Мы можем разбить лагерь здесь, — сказал он, указывая на небольшую рощицу у подножия холма. — Там есть источник. И достаточно укрытия, чтобы развести костёр без риска быть замеченными.

Она кивнула, и они двинулись к роще, ведя коней в поводу.

Костёр разгорелся быстро — сухая трава и мелкие ветки вспыхнули, как порох, и вскоре маленькое пламя уже весело плясало в вечерней прохладе. Себастьян сидел на поваленном стволе и смотрел, как Элиана, склонившись над огнём, заваривает в небольшом котелке травяной отвар. Движения её рук были плавными, почти ритуальными — как будто она совершала нечто большее, чем просто приготовление пищи.

— Вы всегда смотрите так, словно пытаетесь прочесть человека, как книгу? — спросил он, и в голосе его послышалась едва заметная усмешка.

Она подняла на него глаза, и в отблесках пламени её лицо казалось сотканным из света и тени.

— Я пытаюсь понять, что вы скрываете, — ответила она. — В каждом человеке есть тайна, которую он носит в себе, как камень на шее. Я хочу знать, что это за камень у вас.

— Я думал, вы уже знаете всё, — сказал он. — Вы видите прошлое, когда касаетесь меня.

— Я вижу то, что было. Но я не вижу того, что будет. И я не вижу того, что вы думаете сейчас. Это остаётся вашим, даже от меня. — Она улыбнулась, и в улыбке её была мягкость, которая тронула его до глубины души. — Это хорошо. Я не хочу знать всё. Я хочу, чтобы вы сами рассказали мне.

Он поднялся и шагнул к ней, садясь на землю рядом, так близко, что мог чувствовать тепло её тела. Она не отстранилась. Напротив, она слегка повернулась к нему, и между ними оказалось всего лишь несколько дюймов воздуха.

— Я не знаю, что сказать, — произнёс он. — Я никогда не говорил таких вещей. Я всегда был тем, кто слушает исповеди, а не тем, кто рассказывает свои.

— Тогда просто говорите то, что чувствуете, — прошептала она. — Я услышу. Я всегда слышу то, что вы не говорите вслух.

Он посмотрел на неё, и в этот момент всё исчезло — лес, костёр, ночь. Осталась только она. Её глаза, её губы, её дыхание, которое он слышал так же отчётливо, как биение собственного сердца.

— Я чувствую, — сказал он, и голос его был хриплым, словно он говорил сквозь слёзы, — что я готов отдать всё, что у меня есть, лишь бы быть рядом с вами. Я чувствую, что моя вера, которой я жил все эти годы, рассыпается в прах, потому что я нашёл нечто большее, чем вера. Я нашёл вас.

Она смотрела на него с такой интенсивностью, что он чувствовал её взгляд на своей коже.

— Это не грех, — сказала она. — То, что вы чувствуете. Это не ересь и не проклятие. Это просто... любовь.

Она протянула руку и коснулась его щеки, и он закрыл глаза, наслаждаясь этим прикосновением — лёгким, почти невесомым, но в то же время таким реальным, что у него перехватило дыхание.

— Я боюсь, — прошептал он. — Я боюсь, что если я позволю себе чувствовать это, я потеряю всё, что у меня есть.

— Тогда потеряйте, — ответила она, и в её голосе не было колебаний. — Потому что то, что вы найдёте вместо этого, будет стоить всех потерь.

Она наклонилась к нему, и он почувствовал её дыхание на своих губах — тёплое, пахнущее травами и дымом. И в тот момент, когда их губы почти соприкоснулись, он услышал то, что изменило всё.

Голос был тихим, почти неслышным, но он проник в его сознание, как игла в ткань. Он не мог разобрать слов, но чувствовал их значение — как предчувствие, как холодный ветер, проникающий в душу.

— Ты слышал? — спросила она, отстраняясь, и в её глазах была тревога, которую она не могла скрыть.

— Да, — ответил он, и голос его был глухим. — Что это было?

— Это был зов. Кто-то пытается связаться со мной. Через магию. Через кровь. — Она побледнела, и он увидел, как её руки задрожали. — Это мой брат. Он в опасности.

Себастьян мгновенно поднялся, его рука инстинктивно легла на рукоять меча.

— Мы должны идти. Сейчас.

Она кивнула, и они начали быстро собираться, заливая костёр водой из источника, чтобы не оставлять следов. Через несколько минут они уже были в сёдлах, направляясь к мельнице с такой скоростью, на которую только были способны их усталые кони.

Мельница оказалась старой и полуразрушенной. Её колесо, когда-то приводившее в движение жернова, теперь висело на сгнивших осях, словно скелет вымершего животного. Но изнутри доносился слабый свет, и когда они подъехали ближе, Себастьян увидел, что дверь приоткрыта.

— Оставайтесь здесь, — сказал он, спешиваясь. — Я проверю.

Она хотела возразить, но он уже скрылся в темноте.

Внутри мельница оказалась больше, чем казалась снаружи. Старые мешки с мукой стояли вдоль стен, покрытые плесенью и паутиной. В центре помещения горел очаг, а рядом с ним, на

грубо сколоченной скамье, сидел мужчина — высокий, широкоплечий, с лицом, изрезанным глубокими морщинами.

Он поднял голову, когда Себастьян вошёл, и в его глазах мелькнуло удивление, смешанное с узнаванием.

— Вы инквизитор, — сказал он, и голос его был низким, почти хриплым. — Я знаю вас. Я видел ваше лицо во сне.

Себастьян замедлил шаг, но не остановился.

— Я ищу Элиану, — сказал он. — Я знаю, что она здесь. Я чувствую её присутствие.

Мужчина улыбнулся — странной, кривой улыбкой, которая не тронула его глаз.

— Она пришла с вами, — ответил он. — Я знаю. Я чувствую её, так же как вы. Она часть меня, и я часть её. Мы — брат и сестра. Но вы уже знаете это, не так ли?

Себастьян остановился в нескольких шагах от него.

— Вы — Рауль? — спросил он. — Её брат?

Мужчина кивнул, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Вы умны, брат инквизитор. Это хорошо. Это поможет вам выжить.

Он поднялся, и Себастьян увидел, что он хромает — правая нога была повреждена, и он опирался на грубый костыль, сделанный из ветки орешника.

— Я не враг, — сказал Рауль. — И я не хочу причинять вам вреда. Элиана говорила мне о вас. Она сказала, что вы — тот, кому можно доверять. Я надеюсь, что она не ошиблась.

Он протянул руку, и Себастьян, поколебавшись мгновение, пожал её. Ладонь Рауля была твёрдой, как дубовая кора, — ладонь человека, который много лет держал меч.

— Я не ищу врагов, — сказал он. — Я ищу правду.

— Правду, — повторил Рауль, и в его голосе послышалась горечь. — Все ищут правду. Но никто не готов её принять, когда она приходит.

Он указал на скамью, и Себастьян сел, чувствуя, как усталость наваливается на него после долгого дня.

— Я знаю, кто вы, — сказал Рауль. — Я знаю, что вы — сын тамплиера. И я знаю, что вы не знаете этого до конца.

Он подошёл к очагу и подбросил в огонь сухих веток. Пламя вспыхнуло ярче, освещая его лицо.

— Ваш отец был одним из нас. Он знал тайну, которую мы храним веками. Тайну, которая может уничтожить церковь и спасти мир. И он заплатил за это жизнью.

Себастьян сжал кулаки.

— Я не знал его. Я думал, он мёртв. Я вырос в монастыре, думая, что он погиб при осаде Акры. Но теперь я сомневаюсь.

Рауль кивнул, и в его взгляде мелькнула печаль.

— Он не погиб при осаде. Он был убит теми, кто хотел завладеть его знаниями. Теперь эти знания принадлежат вам. Через вашу кровь. Через ваш медальон.

Он шагнул к Себастьяну и взял его за руку, прикасаясь к медальону, который висел у него на груди.

— Откройте его, — сказал он. — И вы увидите правду, которую он хранил.

Себастьян заколебался, но потом медленно открыл застёжку. Внутри, на пожелтевшем пергаменте, были начертаны символы, которые он не мог прочесть — странные, извивающиеся линии, похожие на древнее письмо.

— Что это? — спросил он.

— Это карта, — ответил Рауль. — Карта, которая ведёт к тому, что тамплиеры искали веками. К их величайшей тайне.

Он замолчал, и в комнате повисла тишина, нарушаемая только треском огня и дыханием ветра за окнами.

— К Священному Граалю, — добавил он наконец. — Или к тому, что мы так называем. Когда Элиана вошла в мельницу, она увидела их сидящими у огня, и на лице её мелькнуло облегчение, смешанное с тревогой.

— Рауль, — сказала она, подходя к брату, — ты в порядке?

Он поднялся и обнял её — крепко, по-родственному, словно они не виделись много лет.

— Я в порядке, сестра. Я всегда в порядке. А ты как?

— Я жива, — ответила она, и в голосе её послышалась улыбка. — И, кажется, я нашла того, кто может нам помочь.

Она посмотрела на Себастьяна, и в её взгляде было столько тепла, что у него защемило сердце.

— Мы найдём его, — сказала она. — Мы найдём вашего отца. И мы узнаем правду.

Он поднялся, подошёл к ней и взял её за руку.

— Я знаю, — ответил он. — Потому что мы вместе.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько надежды, что он готов был идти за ней на край света.

Ночь опускалась на мельницу, и в небе зажглись звёзды, холодные и далёкие, как тайна, которую они искали.

Но в душе Себастьяна горел огонь, который не мог погасить ни один ветер.

Огонь любви.

И он был готов сгореть в нём, если это будет означать, что она будет рядом.

Утро на мельнице пришло тихим и серым. Туман висел над рекой, делая очертания старого колеса размытыми и призрачными. Себастьян проснулся от запаха хлеба — Рауль уже развёл огонь в очаге и пёк лепёшки на плоском камне.

— Садитесь, брат инквизитор, — сказал он, не оборачиваясь. — Еда перед дорогой — это святое.

Себастьян сел на скамью и взял тёплую лепёшку. Хлеб был грубым, но свежим, и он вдруг почувствовал, как давно не ел по-настоящему.

— Я хотел спросить вас, — сказал он, — о розах. Что это такое? Почему они так важны?

Рауль долго молчал, переворачивая лепёшки. Потом он сел напротив и посмотрел на Себастьяна с той же странной смесью уважения и печали.

— Семь золотых роз, — начал он. — Семь хранителей тайны. Не выдуманная легенда, как думают многие. Это — ключ к величайшему знанию, которое когда-либо существовало на земле. Знанию, которое может даровать власть над миром. Или уничтожить его.

— И ваша сестра...

— Моя сестра — дочь одной из хранильниц, — сказал Рауль. — Наша мать хранила четвёртую розу. Она погибла, защищая её. И я поклялся, что роза никогда не попадёт в руки тех, кто ищет её со злыми намерениями.

Он посмотрел в окно, где туман медленно рассеивался.

— Но есть человек, который знает, где находятся все семь роз. Он был одним из нас. Он предал хранителей. И он охотится за каждой розой, чтобы собрать их все.

— И кто он?

— Этого я не знаю, — признался Рауль. — Но я знаю, что он близко. Его рука ощущается во всём, что происходит сейчас: в арестах тамплиеров, в гонениях на катаров, в охоте на мою сестру. Он хочет, чтобы все нити сошлись в его руках.

Себастьян долго молчал, переваривая услышанное.

— И вы думаете, что я... что моя роза — одна из них?

— Не одна из них, — тихо сказал Рауль. — Вы — одна из них. Ваша мать была хранильницей. Вы унаследовали её розу. И теперь вы — хранитель.

Себастьян почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Ещё вчера он был инквизитором, судьёй, орудием церкви. А теперь — хранитель древней тайны. Хранитель золотой розы.

— Я не просил об этом, — сказал он. — Я не выбирал эту судьбу.

— Роза выбрала вас, — ответил Рауль. — Как выбрала вашу мать. Так работает эта магия. Она не спрашивает. Она просто выбирает. И тот, кого она выбрала, может либо принять свою судьбу, либо бежать от неё до конца своих дней. Но бежать — бесполезно. Роза найдёт вас. Где бы вы ни были.

Себастьян сжал медальон под тканью плаща. Он чувствовал его тепло — живое, пульсирующее, словно роза дышала.

— Что мне делать? — спросил он.

— Идти туда, куда ведёт роза, — сказал Рауль. — И не останавливаться. Пока не найдёте ответы, которые ищите.

Он поднялся и протянул Себастьяну небольшой кожаный мешочек.

— Здесь травы и немного золота. Этого хватит, чтобы добраться до Тулузы. Там вы будете искать человека по имени Амори. Он — старый хранитель, единственный, кто помнит лицо предателя. Он может указать вам путь.

Себастьян взял мешочек и положил его в сумку.

— Спасибо, Рауль. Я не знаю, как вас благодарить.

— Не благодарите, — сказал старый тамплиер. — Просто берегите мою сестру. Она — всё, что у меня осталось. И она — ключ ко всему.

Себастьян посмотрел на Элиану, которая стояла у двери, готовая к дороге.

— Я буду беречь её, — сказал он. — Клянусь.

И в этом обещании было больше, чем слова — была клятва, которую он давал впервые в жизни не церкви и не ордену, а женщине. И этой клятве он был готов остаться верен до конца.

Они выехали из мельницы на рассвете, когда туман ещё лежал над рекой, словно белое одеяло, укрывшее мир от чужих глаз. Рауль стоял в дверях, опираясь на костыль, и смотрел им вслед. В его взгляде было что-то такое, от чего у Себастьяна на душе становилось беспокойно — как будто старый тамплиер прощался с ними навсегда.

— Он знает больше, чем говорит, — сказал Себастьян, когда они отъехали достаточно далеко.

Элиана не обернулась.

— Рауль никогда не говорит всего, что знает. Он привык, что правда стоит дорого. Слишком дорого, чтобы тратить её на слова.

— Но вы ему верите?

— Верю. — Она помолчала. — Он единственный из семьи, кто не предал меня. И единственный, кто знает, где искать Амори.

Дорога шла вдоль реки, потом свернула в горы и снова спустилась в долину, петляя между фермами и рощами. Они ехали молча, каждый думал о своём, и только стук копыт да журчание воды нарушали тишину.

К вечеру они добрались до небольшой деревушки, затерянной между холмами. В таверне у дороги им дали комнату и ужин — густую похлёбку с хлебом и кувшин тёплого вина. Себастьян ел, глядя на огонь, и думал о словах Рауля.

«Роза выбрала вас. Она не спрашивает. Она просто выбирает».

— Вы задумались, — сказала Элиана, садясь напротив. — Я вижу по вашей спине.

— По спине? — он обернулся.

— Когда человек задумывается, он сутулится и перестаёт жевать. Вы сутулитесь и не жуёте. Значит, думаете.

Он невольно усмехнулся.

— Вы слишком наблюдательны.

— Это мой дар, помните? — она улыбнулась. — Я вижу то, что скрыто от глаз обычных людей. В том числе то, что вы уже час пережёвываете один и тот же кусок хлеба.

Себастьян доел хлеб и отложил тарелку.

— Рауль сказал, что роза выбрала меня. Что она не спрашивает. Но что, если я не хочу быть выбранным? Что, если я хочу просто жить — как жили раньше?

— Вы уже не сможете, — тихо сказала она. — Роза пробудилась. Она будет звать вас. Преподанной жизни больше нет.

Он смотрел на неё в свете свечи, и вдруг понял, что она говорит не только о розе. Она говорит о них. О том, что случилось между ними прошлой ночью у костра. О том, что он уже не сможет вернуться к тому человеку, которым был раньше.

— Я знаю, — сказал он. — Я просто... пытаюсь привыкнуть.

— Привыкайте быстрее, — она наклонилась ближе. — Потому что завтра мы будем в Тулузе. А в Тулузе правда обжигает сильнее пламени.

Тулуза встретила их шумом и суетой. Город жил своей жизнью — торговцы кричали на углах, телеги грохотали по булыжной мостовой, женщины таскали корзины с хлебом, дети бегали между ног прохожих. Себастьян, привыкший к тишине монастырей и замков, чувствовал себя неуютно в этом многоголосом муравейнике.

— Амори живёт за рекой, у старой церкви, — сказала Элиана, ведя коня в поводу. — Он человек скрытный. Поэтому слушайте внимательно и не задавайте лишних вопросов.

— Вы ведёте меня к незнакомцу, — заметил Себастьян. — Вы уверены, что это безопасно?

— Абсолютно нет, — спокойно ответила она. — Но у нас нет выбора.

Они пересекли мост через Гаронну и углубились в узкие улочки, где дома стояли так тесно, что солнце почти не проникало на мостовую. Воздух здесь пах сыростью, рыбой и старой штукатуркой. Где-то лаяли собаки, и этот лай казался единственным звуком в этой глухой части города.

У старой церкви, почерневшей от времени и копоти свечей, Элиана остановилась.

— Ждите здесь, — сказала она. — Я найду одна.

— Нет.

Она обернулась, и в её глазах мелькнуло удивление.

— Прошу прощения?

— Я иду с вами. — Себастьян спешил и привязал коня к кольцу у ворот. — Человек, который знает лицо предателя, — слишком ценная добыча, чтобы оставлять его без охраны. И вы — тоже.

Элиана долго смотрела на него, потом покачала головой с тем выражением, которое он уже научился распознавать: смесь удивления и уважения.

— Как хотите, брат инквизитор. Только помните: если что-то пойдёт не так — бегите. Не оглядываясь. Не пытайтесь меня спасти. Бегите.

— Я никуда не побегу, — ответил он.

Она усмехнулась.

— Посмотрим.

Они вошли в церковь. Внутри было сумрачно и пахло ладаном и старой пылью. Свечи горели у алтаря, но свет их был тусклым и тревожным. У дальней стены, в тени, отбрасываемой массивной колонной, стоял человек — высокий, сгорбленный, в потёртой одежде, больше похожий на странника, чем на священника.

Он поднял голову, когда они вошли, и его глаза — светло-серые, почти бесцветные, — остановились на Себастьяне.

— Дитя, — сказал он голосом, скрипучим, как несмазанная дверь. — Дитя с золотой розой. Я думал, что увижу тебя раньше.

Себастьян замер.

— Вы знаете, кто я?

— Я знаю, что ты — сын Изабеллы де Монфор, — ответил старик. — И что ты носишь её розу. Я ждал тебя много лет. Почти двадцать шесть лет. С тех самых пор, как твоя мать отдала тебя на воспитание монахам. Я думал, ты придёшь раньше.

— Кто вы? — спросил Себастьян, чувствуя, как дрожит его голос.

— Меня зовут Амори, — сказал старик. — И я — единственный из семи хранителей, кто помнит лицо предателя. Лицо того, кто убил твою мать. И то, что он сделал с твоим отцом.

Элиана шагнула вперёд.

— Мы пришли за правдой, Амори. Скажи нам, кто он.

Старик долго смотрел на неё, потом перевёл взгляд на Себастьяна. В его глазах было что-то, от чего у Себастьяна похолодело под ложечкой.

— Это не тот разговор, который стоит вести в церкви, — сказал он наконец. — Уже темнеет. Пойдёмте. У меня есть дом за рекой, где никто не услышит ни одной нашей речи.

Он повернулся и, не оглядываясь, направился к боковой двери. Элиана и Себастьян переглянулись и последовали за ним.

Дом Амори оказался маленьким каменным строением с толстыми стенами и узкими, как бойницы, окнами. Внутри горел камин, и в его свете старик казался ещё старше — лицо его было изрезано морщинами, словно старая карта, на которой время оставило свои следы.

— Садитесь, — сказал он, указывая на лавку у стены. — И слушайте. Потому что расскажу я вам вещи, которые вы не услышите ни от одного священника во Франции.

Он подбросил дров в огонь и сел напротив них.

— Ваша мать, дитя, была не просто хранительницей. Она была той, кто знал больше всех остальных. Она знала, где находится сама Чаша — не та чаша, о которой поют менестрели, а настоящая, та, что хранители спрятали от глаз людских ещё в те времена, когда пал Иерусалим.

— И она рассказала об этом кому-то? — спросила Элиана.

— Она рассказала отцу этого юноши, — Амори кивнул на Себастьяна. — Филиппу де Монфору, рыцарю Храма. Она доверила ему величайшую тайну, потому что любила его. И он... он сохранил её. Но была и другая сила, которая хотела эту тайну получить. Сила, которая уже тогда ползла по Европе, как червь по гнилому яблоку.

— Вы говорите о предателе, — сказал Себастьян.

— Я говорю о человеке, который называл себя другом твоего отца, — ответил Амори. — О человеке, который пришёл к нему в дом, когда твоя мать умирала, и предложил спасти её в обмен на розу. Тот человек был тамплиером. Он носил плащ с красным крестом. И он был тем, кто вонзил нож в сердце твоей матери, когда она отказалась отдать ему тайну.

Себастьян почувствовал, как огонь гнева поднимается в его груди.

— Кто он?

Амори посмотрел ему прямо в глаза.

— Его звали Жером де Феррьер. Но знаешь ли ты, что он жив и сейчас? Он служит в ордене доминиканцев. И он — один из тех, кто подписал приказ о твоём прибытии в Монсегюр. Он и есть тот, кто назвал Элиану ведьмой. Он хотел, чтобы ты привёз её к нему. И он знает, что роза — у тебя.

Тишина повисла в комнате, тяжёлая, как могильная плита.

— Значит, я всё это время был пешкой, — медленно произнёс Себастьян. — Его пешкой.

— Мы все пешки, дитя, — сказал Амори. — Вопрос лишь в том, кто двигает нити. Но теперь ты знаешь. И можешь выбирать, как поступить.

Себастьян поднялся. Руки его дрожали, но голос был твёрд.

— Он убьёт и меня, и её, — сказал он. — Если мы позволим ему.

— Позвольте — убьёт, — кивнул Амори. — Но у вас есть то, чего он лишён. У вас есть роза. И у вас есть... — он перевёл взгляд на Элиану, — то, что он никогда не сможет отнять.

Себастьян посмотрел на Элиану. Она стояла у окна, и в её глазах был тот же огонь, который он чувствовал в своей груди.

— Тогда мы не дадим ему этого сделать, — сказал он. — Мы остановим его.

— Остановить его, — тихо повторил Амори. — Многие пытались. Все погибли. Но, может быть, ты — тот, кто сможет. Может быть, поэтому роза и выбрала тебя.

Он открыл старый сундук, стоявший в углу, и достал из него свёрток — ветхий, пожелтевший от времени пергамент.

— Это карта, — сказал он, разворачивая его. — Карта к Чаше. Её спрятали хранители, когда поняли, что предатель близок. Она ведёт в горы, в место, которое никто не назовёт по имени. И там, где заканчивается карта, начинается то, что ты ищешь.

Он протянул пергамент Себастьяну.

— Бери, дитя. И помни: правда, которую ты ищешь, обжигает сильнее пламени. Но именно она может стать тем огнём, который осветит путь.

Себастьян взял карту. Пергамент был холодным на ощупь, но внутри, под пожелтевшей бумагой, он чувствовал тепло — то самое, которое излучал медальон с розой.

Он поднял глаза на Амори.

— Спасибо, отец.

Старик улыбнулся — впервые за весь вечер.

— Не называй меня отцом, дитя. Я не святой. Я просто старик, который слишком долго хранил чужие тайны. А теперь иди. Иди и заверши то, что не сумели завершить мы.

Себастьян подошёл к Элиане и взял её за руку.

— Пойдём, — сказал он. — Нам нужно найти ответы.

Она сжала его ладонь.

— Пойдём.

И они вышли из дома Амори в тёплую тулузскую ночь, унося с собой карту, тайну и имена, которые теперь могли стоять им жизни.

Но впервые за долгие годы Себастьян чувствовал, что знает, ради чего живёт.

И это знание было дороже любой молитвы.

◆ Глава 6. О том, как правда обжигает сильнее пламени

Тот, кто ищет истину, должен быть готов
увидеть своё отражение в кривом зеркале прошлого.
Ибо правда не всегда прекрасна,
но она всегда права.
А иногда она оказывается страшнее любой лжи,
потому что ложь можно простить,
а правду — никогда.

Ночью Себастьян не спал. Он лежал на жёсткой лавке в доме Амори и смотрел в потолок, но видел перед собой не трещины в балках, а лицо человека, которого он никогда не знал, но который оказался причиной всех бед его жизни. Жером де Феррьер. Друг его отца. Убийца его матери. Советник ордена. Человек, который подписал приказ о его прибытии в Монсегюр.

Роза на груди пульсировала теплом, как живое сердце. Ему казалось, что она знает больше, чем он, и ждёт, когда он догадается сам.

В соседней комнате, за тонкой стеной, не спала Элиана. Он слышал её ровное дыхание, но знал, что она лишь притворяется спящей — она делала так каждый раз, когда думала, что он не замечает. Она боялась. И он не мог её за это винить.

Под утро он всё-таки задремал, и ему приснился сон.

Он был юным, почти мальчишкой, и стоял на коленях перед алтарём в часовне Тампля. Рядом стоял человек в белом плаще — наставник, посвящавший его в рыцари. Но когда тот обернулся, Себастьян увидел не доброе лицо старого рыцаря, а холодную маску Жерома де Феррьера.

«Ты даёшь клятву, — сказал наставник, и голос его был как нож. — Клятву хранить тайну до конца. Клятву, которую нарушить невозможно».

У Себастьяна во рту был привкус меди и пепла.

«Я клянусь», — услышал он собственный голос.

Когда сон рассыпался, за окном уже светало.

— Ты не спал, — сказала Элиана, появляясь на пороге с чашкой тёплого отвара. Она стояла босиком, укутанная в плащ, и смотрела на него с той спокойной тревогой, которая успела стать ему родной.

— Я спал, — ответил он. — Плохо.

— Видел сон?

— Да. — Он помолчал. — Мне снилось, что я даю клятву Жерому де Феррьеру. Что я становлюсь его рыцарем. Живу по его воле. Носю его тайны.

Элиана села рядом и протянула ему чашку. Он взял её, согревая руки.

— Это не ты, — сказала она. — Это твоя кровь. Твой отец был тамплиером. Может быть, ты давал подобную клятву — не по своей воле, а по воле крови, которая течёт в тебе.

— Но кровь его сына, — возразил Себастьян. — Если Филипп де Монфор — не мой отец, как написано в медальоне, то чья кровь во мне?

— Наверное, та же, — тихо ответила Элиана. — Только без имени. Ты — сын тамплиера. Какого — ты узнаешь, когда пересечёшься с ним лицом к лицу.

Он долго молчал, глядя в окно, где разгорался серый осенний рассвет.

— Амори сказал, что карта ведёт к Чаше, — проговорил он наконец. — В горы. Но он не сказал, что мы найдём там отца.

— Мы найдём там ответы, — поправила она. — А уж какой из них окажется истиной — увидим.

Она поднялась и принялась собирать вещи — суму, плащ, кинжал, мазь от ран.

— Едем на север, в горы, — сказала она. — Карта указывает на Канталь, на старые руины — когда-то там был монастырь. Говорят, до того, как католики пришли в Овернь, там было языческое святилище. И хранители одного из них — те самые, что спрятали Чашу.

Себастьян поднялся, накинул плащ, пристегнул меч.

— Хорошо. Мы едем.

За порогом уже ждали оседланные кони. Амори не вышел проводить их — только из окна, сквозь мутное стекло, мелькнула его тень, и Себастьян почувствовал, что старик молится за них.

— Он любил мою мать, — сказал он неожиданно для самого себя. — Амори. Она была для него не просто хранительницей.

Элиана взглянула на него с удивлением.

— Откуда ты знаешь?

— Он сказал «любил тебя» не о розе. Он сказал о ней. В его голосе была боль. Такая боль не бывает у тех, кто просто хранит тайну.

Элиана улыбнулась — печально и тепло одновременно.

— Ты становишься слишком проникательным, брат Себастьян. Для бывшего инквизитора это опасное качество.

Он усмехнулся.

— Поехали. У нас впереди горы и правда, которая обжигает.

Три дня они ехали на север, по дорогам, которые становились всё глуше и пустынее. За Орильяком начались настоящие горы — крутые склоны, сосновые леса, холодные ручьи, бьющие из-под ног. Воздух был таким чистым и звонким, что у Себастьяна звенело в ушах, и казалось, что каждый звук — конский топот, треск сучка, крик птицы — разносится на целые мили.

Четвёртой ночью карта привела их к подножию высокой скалы, на вершине которой чернели развалины старого монастыря. Когда-то здесь была крепость — стены в два человеческих роста, башня с чёрным отверстием ворот, часовня с обрушившейся крышей.

— Это здесь, — сказала Элиана, сворачивая пергамент. — Амори сказал: «Там, где заканчивается карта, начинается то, что ты ищешь».

Они поднялись наверх по осыпающейся тропе. Ветер, разогнанный высотой, трепал полы плащей и гнал по небу рваные облака. Внутри развалин было тихо и глухо — только потрескивал камень, остывающий после дневного тепла.

Себастьян остановился посреди бывшего двора и огляделся. Слева — руины часовни. Справа — обвал, ведущий в подвалы. В центре — мёртвый колодец, заваленный камнями.

— Здесь кто-то был, — сказала Элиана, присев на корточки у колодца. — Смола на камнях. Её затапливали факелами. Недавно. Несколько дней назад.

Себастьян подошёл ближе. На сырой земле у колодца он увидел отпечатки сапог — не один человек, а несколько. И среди них — один след, обутый в мягкую, без подошвы обувь, какую носят монахи.

— Жером опередил нас, — сказал он, и голос его прозвучал неестественно ровно. — Или его люди.

— Тогда мы опаздываем не на дни, а на часы, — Элиана поднялась, и в её глазах полыхнул тот самый огонь, который он видел у неё впервые при встрече. — Где кончается карта?

Себастьян развернул пергамент, всмотрелся в линии при последнем свете заката.

— Здесь. Под нами.

Он опустился на колени и начал откидывать камни, которыми был завален колодец. Элиана помогала ему молча, и через полчаса они расчистили проход — узкую щель, в которую с трудом мог протиснуться человек.

Внизу было темно и пахло сыростью. Себастьян зажёл факел и первым спустился вниз, в холодное нутро монастыря, туда, где, если верить карте, хранители оставили то, из-за чего люди убивали друг друга веками.

И там, в каменном чреве часовни под монастырём, на грубо отёсанном алтаре, он увидел её.

Чашу.

Старую, потемневшую, из дерева и меди, на вид — простой сосуд, какие стоят в любой деревенской церкви. Но от неё исходил свет — тёплый, живой, словно она дышала.

Он сделал шаг вперёд, и сзади голос Элианы произнёс тихо:

— Не трогай её, Себастьян. Она не для нас.

— Но мы пришли за ней, — сказал он, не оборачиваясь.

— Мы пришли за правдой, — поправила она. — А Чаша — это только ключ к ней. Если ты возьмёшь Чашу без знания, что она хранит, — она уничтожит тебя. Она выбирает. Как роза.

Себастьян стоял перед алтарём, и в груди у него боролись два голоса: один кричал — возьми, это цель, это конец всех поисков; второй — тихий, холодный, знакомый — предупреждал об осторожности.

Он закрыл глаза. Роза на груди пульсировала, и вдруг он понял, что слышит не свою волю, а волю крови, которая текла в его жилах. Крови его отца, какого бы имени тот ни носил.

Он опустил руки.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда покажи мне, что она хранит. Ты можешь?

Элиана долго смотрела на него, потом шагнула к алтарю и положила ладонь на Чашу.

И мир взорвался светом.

Они увидели не глазами — сердцем. Увидели Иерусалим, каким он был в год падения: пыль, дым, крики, сарацины у стен, рыцари в белых плащах, врата, которые некому удержать. Увидели тайную комнату под городом, где десять человек прощались с тем, что любили, — и один из них, самый юный, унёс с собой Чашу, завернутую в грубую ткань.

Увидели путь через море, леса, горы. Увидели монастырь, подвалы, камень, который лёг на дверь подземной часовни. И увидели лицо того, кто последним прикоснулся к Чаше, прежде чем запереть её.

Это было лицо её отца — Филиппа де Монфора.

Он был старше, чем на образе из её видений, но Себастьян узнал бы его из тысячи. Тот же разрез глаз, тот же изгиб бровей, та же складка у губ. Он стоял в этом самом подвале, положил руку на Чашу и прошептал:

«Сын мой. Если ты читаешь это — значит, ты пришёл следом. Знай: я жив. Я в Париже, в Тампле, в подземелье, куда меня бросили по приказу того, кто называет себя другом. Меня зовут Филипп де Монфор, и я — твой отец. Тот, кто надел на меня цепи, — Жером де Феррьер. Он ищет Чашу не для себя. Он ищет её для того, кто собирает семь роз. Не дай ему собрать их все. Не дай открыть то, что мы запечатали».

Голос оборвался. Свет погас.

Себастьян стоял на коленях в темноте, и по щекам его текли слёзы — но он не чувствовал их. Он чувствовал только одно: огонь правды, который жёл его изнутри.

Он знал своего отца. Он знал, где тот. И он знал имя врага.

— Мы едем в Париж, — сказал он, и голос его был хриплым, но твёрдым. — Прямо сейчас.

Элиана помогла ему подняться.

— Я знала, что ты это скажешь, — ответила она. — Поэтому и взяла с собой тёплые вещи.

Он смотрел на неё, и впервые за долгие годы его что-то согревало изнутри — не вино и не молитва, а она.

— Спасибо, — сказал он. — За всё.

— Поблагодаришь, когда всё закончится, — она улыбнулась. — А пока — вставай. Нас ждёт Париж. И правда, которая обжигает сильнее пламени.

Они выбрались из подземелья, когда уже совсем стемнело. Луна висела над развалинами, бледная и холодная, как лицо мертвеца. Ветер стих, и в тишине было слышно, как где-то далеко лают собаки — должно быть, в деревне у подножия горы.

Себастьян стоял у колодца, глядя на карту, которую держал в руках. Линии на пергаменте теперь казались ему не абстрактными символами, а живыми нитями, связывающими его с прошлым — с матерью, которую он не помнил, с отцом, которого он никогда не знал, с тайной, которую они оба хранили ценой жизни.

— Ты думаешь, он ещё жив? — тихо спросила Элиана.

— Амори сказал, что жив, — ответил Себастьян. — И голос в видении — он был настоящим. Он говорил из подземелья. Из темницы в Тампле.

— Если Жером держит его там, значит, он нужен ему живым. Пока Жером не соберёт все розы, отец твой — его заложник.

— Или приманка, — мрачно добавил Себастьян. — Для меня.

Он свернул карту и убрал её за пазуху, рядом с медальоном. Роза на груди всё ещё была тёплой — словно только что прикоснувшись к Чаше, она зарядилась её силой.

— Что мы будем делать, когда доберёмся до Парижа? — спросила Элиана.

— Я проникну в Тамплъ.

— Один?

— Если понадобится.

— А если тебя схватят?

— Тогда ты вытащишь меня, — сказал он с кривой усмешкой. — Как там говорят у вас, ведьм? «У нас всегда есть запасной план».

Она фыркнула, но в её глазах мелькнуло нечто, похожее на гордость.

— Запасной план — это хорошо. Но давай попробуем обойтись без подземелий. У меня есть один знакомый в Париже. Он держит лавку старых книг на улице Сен-Жак. Он должен нам кое-что.

— Что именно?

— Связи. — Она подошла к лошади и проверила подпругу. — Тамплиеры не исчезли с лица земли одним указом короля. Многие из них сняли плащи и ушли в тень. Они ждут. И некоторые из них знают, как попасть в Тамплъ незаметно.

Себастьян посмотрел на неё. В лунном свете её лицо казалось высеченным из мрамора — спокойным, холодным, непроницаемым. И в этом лице было что-то, от чего он понимал: она не просто ведьма из Монсегюра. Она — часть древней сети, оплетающей полмира. Сети, которая держится на тайне, на крови и на золотых розах.

— Ты знаешь всех, — сказал он.

— Не всех, — она усмехнулась. — Но тех, кто может нам помочь, — да.

Они замолчали. Где-то внизу, в долине, тявкнул шакал, и эхо прокатилось по горам, как предупреждение.

— Дорога в Париж займёт дней десять, — сказала Элиана, вскакивая в седло. — Если не будет дождей. Если нас не перехватят по дороге. Если мы не нарвёмся на разбойников или на людей епископа. Много «если».

— Значит, нам нужно выехать прямо сейчас, — ответил Себастьян, тоже садясь на коня. — Чем раньше мы доберёмся, тем меньше шансов, что Жером успеет что-то сделать с моим отцом.

Он натянул поводья, и Гром, почувствовав настроение хозяина, нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

— Поехали.

Дорога на Париж оказалась именно такой, какой её описывала Элиана: долгой, пыльной и полной неожиданностей. На четвёртый день пути их настигла осенняя гроза, и пришлось укрываться в заброшенной овчарне, где они просидели до утра, слушая, как вода хлещет по крыше и ветер завывает в щелях.

На седьмой день, миновав Орлеан, они остановились в маленькой таверне у дороги, где хозяйка — круглолицая женщина с руками, перепачканными в муке, — без лишних вопросов налила им супа и поставила на стол кувшин сидра.

— Вы не местные, — сказала она, вытирая руки о передник. — Ищете кого-то?

Себастьян напрягся, но Элиана спокойно ответила:

— Мы ищем моего дядю. Он живёт в Париже, торгует книгами.

— Книгами, значит, — хозяйка покачала головой. — Странное время выбрали для торговли, госпожа. В Париже сейчас неспокойно. Тамплиеров ловят. Говорят, сожгут нескольких на площади перед Нотр-Дам.

Элиана и Себастьян переглянулись.

— Когда? — спросил он.

— На той неделе, говорят. — Хозяйка понизила голос. — Сам король приказал. Зрелище будет знатное. Париж такого не видел со времён альбигойцев.

Она ушла на кухню, оставив их наедине с тревожной новостью.

— Жером торопится, — сказал Себастьян, отодвигая тарелку. — Он хочет уничтожить всех тамплиеров, пока Чаша не попала не в те руки. Он хочет заметать следы.

— Или он хочет, чтобы ты пришёл, — возразила Элиана. — Казнь отца на глазах у всего Парижа — лучший способ выманить тебя из тени.

Она была права. И от этого было ещё страшнее.

— Тогда нам нужно поспешить, — сказал он. — Мы должны быть в Париже до казни.

Элиана кивнула и поднялась.

— Тогда едем. Ещё полдня — и мы у ворот.

Париж встретил их серым небом, грязью на мостовых и запахом дыма, который поднимался над тысячами очагов. Город гудел, как растревоженный улей, — крики торговцев, скрип колёс, лязг кузниц, бой церковных колоколов. Себастьян, привыкший к тишине гор и замков, чувствовал себя оглушённым.

Лавка книготорговца нашлась на узкой улочке, упиравшейся в стену монастыря. Дверь была обита железом, а на окне висела решётка, не столько декоративная, сколько защитная.

Элиана постучала особым образом — три коротких, два длинных, снова короткий.

Дверь приоткрылась, и в щели показалось лицо — острое, с глубоко посаженными глазами и длинным, как у птицы, носом.

— Кто? — спросил хриплый голос.

— Я та, кто приносит сушёную мяту из Лангедока, — ответила Элиана. — И не одна.

Лицо исчезло, дверь открылась, и они вошли внутрь.

В лавке пахло пылью, старой бумагой и воском. Вдоль стен от пола до потолка тянулись стеллажи с книгами в кожаных переплётах, свитками, сложенными стопками. На столе горела свеча, а рядом с ней сидел горбатый старик с лицом, похожим на печёное яблоко.

— Элиана, — сказал он, и в его голосе послышалась улыбка. — А я думал, ты давно сгорела на костре.

— Пока нет, — ответила она, обнимая его. — Но день только начался.

Она повернулась к Себастьяну.

— Это мастер Робер, книготорговец. Он знает проходы в Тампль. И он должен нам ход в подземелье, где держат моего... — она запнулась, — где держат нашего человека.

Робер внимательно посмотрел на Себастьяна.

— Инквизитор, — сказал он. — Я знаю твоё лицо. Ты судил еретиков в Каркассоне два года назад.

— Я больше не сужу, — ответил Себастьян. — И я не инквизитор. Я — сын тамплиера. И я ишу своего отца.

Робер долго смотрел на него, потом перевёл взгляд на Элиану. Она кивнула.

— Хорошо, — сказал старик. — Значит, ты один из нас. Тогда слушай. Завтра на рассвете, перед казнью на Гревской площади, стража выведет узников из Тампля. Среди них будет и тот, кого ты ищешь. Если мы успеем перехватить процессию в переулке Святой Анны, у нас будет шанс вытащить его, пока всё не началось.

— Как? — спросил Себастьян.

— У меня есть план, — ответил Робер, и в его глазах мелькнул огонёк. — Старый, надёжный, как каменные своды этого города.

Он открыл сундук, стоявший в углу, и достал оттуда моток верёвки, два монашеских плаща и маленький свиток, перевязанный красной нитью.

— Завтра, — сказал он. — На рассвете. Всё решится.

Они провели ночь в крошечной каморке над лавкой, где пахло плесенью и старым деревом, а единственным источником тепла была маленькая печь-жаровня. Элиана уснула почти сразу, свернувшись калачиком на узкой скамье, подложив под голову сумку.

Себастьян не спал. Он сидел у окна, глядя на ночной Париж, на редкие огни в домах, на тень, которую отбрасывала на небо башня Тампля, — огромная громада, похожая на каменный кулак, занесённый над городом.

Где-то там, за этими стенами, сидел его отец. Живой. Настоящий. Тот, кого он искал двадцать шесть лет.

Роза на груди пульсировала теплом, и он положил на неё ладонь, чувствуя, как это тепло проникает в кожу, разливается по венам.

«Завтра, — подумал он. — Завтра всё закончится или начнётся заново».

Он не знал, какой из этих исходов страшнее. Но он знал, что выбора у него нет.

— Ты не спишь, — раздался из темноты голос Элианы — сонный, тёплый.

— Не сплю, — ответил он.

— Я знаю. — Она помолчала. — Если завтра что-то пойдёт не так...

— Ничего не пойдёт не так, — перебил он. — Я не позволю.

Она не ответила. Но он чувствовал, что она улыбается в темноте — той улыбкой, которую он запомнил на всю жизнь, сколько бы этой жизни ни осталось.

Он закрыл глаза и, не отпуская розу, попытался уснуть.

Завтра был день, который мог изменить всё. И он должен был встретить его с открытыми глазами.

♦ Глава 7. О том, как знание становится тяжелее любого камня

Ты ищешь правду, как слепой ищет свет —
ощупью, на ощупь, спотыкаясь о собственную гордыню.
Но когда ты найдёшь её, она окажется не той, которую ты искал.
Она будет той, которую ты боялся найти.
И тогда ты поймёшь: самое страшное — не знание, а его цена.

Рассвет в Париже поднимался медленно, словно нехотя, как тяжёлый камень, который нужно тащить в гору. Небо над городом было серым, мутным, и первые лучи солнца не столько освещали, сколько подсвечивали утренний туман, лежавший над Сеной.

Себастьян стоял у окна каморки, глядя на башню Тампля, и чувствовал, как сердце стучит где-то в горле. За стеной спала Элиана — слышно было её ровное дыхание, и это дыхание, как ни странно, тоже помогало не сойти с ума.

— Ты опять не спишь, — сказала она, не открывая глаз.

— Откуда ты знаешь?

— Ты тяжело дышишь, когда волнуешься. — Она села, потянувшись, как кошка. — А ты волнуешься с тех пор, как мы вошли в Париж.

— Я волнуюсь с тех пор, как встретил тебя, — ответил он, не оборачиваясь. — Но сегодня — сильнее обычного.

Она встала, подошла к нему и встала рядом, глядя на ту же башню. Они стояли молча — два человека, которые знали слишком много, чтобы успокоиться.

— Когда всё закончится, — сказала она тихо, — куда ты пойдёшь?

— Туда, где ты.

— А если я не буду знать, куда идти?

— Тогда пойдём вместе. Искать дорогу.

Она улыбнулась — полуулыбкой, которая прятала больше, чем говорила.

— Ты стал опасным человеком, брат Себастьян. Инквизитор, который обещает ведьме идти с ней, куда бы она ни пошла.

— Я и есть опасный человек, — ответил он. — Я только не знал этого, пока не встретил тебя.

Внизу, на улице, раздался гул — далёкий, нарастающий. Мастер Робер, уже одетый в тёмный плащ, вошёл в каморку без стука.

— Они выходят из Тампля, — сказал он. — Процессия уже у ворот. У нас мало времени.

План Робера был прост, как всё гениальное. В переулке Святой Анны, по которому должна была пройти процессия, стояла старая телега, нагруженная бочками. Если перевернуть её в нужный момент, процессия остановится, зеваки повалят вперёд, а в толчее можно будет увести одного из узников — того самого, которого они искали.

Себастьян стоял за углом, облачённый в монашеский плащ, с низко надвинутым капюшоном. Рядом, тоже в монашеском одеянии, стояли Элиана и Робер, переодетый в службу.

— Смотри, — сказал Робер, кивая. — Они уже близко.

Сквозь толпу было видно, как по улице движется кортеж: впереди — стражники с алебардами, за ними — два священника в чёрных рясах, потом — узники. Их было трое. Старики, сгорбленные, в рваных багровых одеждах, с цепями на руках. Лица их были закрыты капюшонами, но Себастьян почувствовал, как роза на его груди полыхнула теплом, когда один из них проходил мимо.

— Отец, — прошептал он одними губами.

Дальше всё произошло как в замедленном сне. Робер нырнул под телегу и одним движением выбил упор. Телега, гружённая бочками, тяжело кренясь, поехала поперёк прохода. Бочки повалились, разлетелись, и одна из них — пустая, но звонкая — покатила прямо под ноги стражников.

Началась толкотня. Зеваки закричали, кто-то споткнулся, кто-то побежал, в узком переулке сделалось тесно, как в мешке. Стражники, подхватив упавшего товарища, бросились к телеге. Священники заметались, пытаясь отогнать толпу.

И в этой суматохе Себастьян шагнул вперёд.

Он схватил старого узника под руку, что-то шепнул ему на ухо, и они оба — быстро, как умеют только те, кому есть что терять, — нырнули в узкий проход между домами. За ними, прикрывая отступление, скользнули Элиана и Робер.

Позади слышались крики:

— Узники! Где узники?!

Но они уже были за другим углом, в лабиринте кривых улочек, где запутался бы и сам дьявол.

Они остановились только в подвале дома Робера, заперев за собой железную дверь. Себастьян, тяжело дыша, прислонился к стене и наконец позволил себе посмотреть на того, кого он вытащил из-под стражи.

Старик стоял перед ним — сгорбленный, седой, измождённый, но с глазами, в которых горел огонь, не затухший за годы темницы. Он смотрел на Себастьяна с той же странной смесью удивления и узнавания, что и Амори в Тулузе.

— Ты, — сказал он хрипло. — Ты пришёл.

— Я не знаю, кто вы, — ответил Себастьян, и голос его дрогнул. — Но роза на моей груди согрелась, когда вы проходили мимо.

Старик медленно поднял руки, дрожащими пальцами расстегнул ворот своей рваной одежды и достал из-под неё медальон — точь-в-точь такой же, как у Себастьяна, только с чёрной, выжженной розой внутри.

— Меня зовут Филипп де Монфор, — сказал он. — И я — твой отец.

Себастьян почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Всё, что он знал о своей жизни, вдруг перевернулось — и вместе с тем стало целым.

— Я думал, ты погиб в Акре, — прошептал он.

— Я не погиб, — старик покачал головой. — Я жил в тени. Хранил тайну. Ждал, когда придёт мой сын и заберёт то, что принадлежит ему по праву.

Он шагнул вперёд и, преодолев скованность лет, обнял Себастьяна длинными, костлявыми руками.

— Прости меня, сын. Прости, что оставил тебя. Прости, что не сказал тебе правды раньше. Прости, что позволил им забрать у тебя мать.

Себастьян, обнимая отца, чувствовал, как что-то оттаивает в его груди — что-то, чего он так и не смог оттаять молитвами, покаянием, службой.

— Я не виню тебя, — сказал он. — Я не знал.

— Теперь знаешь, — отец отстранился и посмотрел ему в глаза. — И поэтому держись. Потому что знание, которое я тебе передам, тяжелее любого камня. И если ты его понесёшь — ты уже не сможешь от него отказаться.

Он посмотрел на Элиану, стоявшую в углу.

— А ты, дитя, — дочь Изабеллы?

— Да, — ответила она.

Отец улыбнулся — впервые за долгие годы, улыбкой, осветившей его измождённое лицо.

— Твоя мать была одной из лучших среди нас. Она отдала жизнь, защищая то, во что верила. Я горжусь тобой. И я благодарен тебе за то, что ты пришёл с моим сыном.

— Я пришла не ради благодарности, — сказала она. — Я пришла, чтобы помочь ему. И чтобы найти правду.

— Тогда слушай. — Отец сел на скамью, жестом приглашая их сесть рядом. — Слушай. И запоминай. Потому что я расскажу тебе, что такое семь Золотых роз. И почему из-за них умирают люди.

«Семь роз — это семь ключей, — начал отец, и голос его, хотя и слабый, звучал ровно, как вода, текущая по камню. — В давние времена, когда рухнул Иерусалим, девять рыцарей нашли под руинами храма Соломона то, что не должно было попасть в руки непосвящённых. Они нашли не сокровища и не свитки пророчеств. Они нашли знание. Знание о том, как устроен мир: о звёздах, о земле, о природе огня и света, о том, как лечить раны и как убивать без меча.

Они поняли: такое знание нельзя оставлять в одних руках. Иначе один человек станет богом. А бог в руках человека — это катастрофа. Поэтому они разделили знание на семь частей и запечатали каждую часть в розу. Семь роз — семь хранителей. Каждая роза содержит часть Тайны. Только соединив все семь, можно открыть полное знание. Или уничтожить его навсегда.

Мы, хранители, поклялись хранить свои розы до конца. Никогда не соединять их. Никогда не открывать Тайну. Поэтому мы жили в тени, в лесах, в горах, в маленьких деревнях, где никто не знал наших имён. Мы умирали — и передавали розу своим детям, как передают наказ. Так продолжается уже двести лет.

Но среди нас нашёлся тот, кто не захотел хранить. Он захотел владеть. Он решил, что знание, которое таится в розах, должно принадлежать не кучке отшельников, а тому, кто сможет использовать его для власти над миром.

Его зовут Жером де Феррьер. Когда-то он был моим другом. Мы вместе вступали в орден, вместе давали клятву, вместе клялись защищать Тайну. А потом я узнал, что он убил двух хранителей и забрал их розы. Что он охотится за остальными. Что он выдаёт их имена епископам и королям, чтобы те уничтожали их чужими руками.

Твоя мать, Изабелла, была хранительницей четвёртой розы. Жером узнал об этом. Он пришёл к нам в дом в ту ночь, когда ты родился. Он предложил спасти её от болезни — в обмен на розу. Она отказалась. И он убил её.

Я поклялся отомстить. Я преследовал его годы. Но он был умнее, хитрее, у него была власть. Он обвинил меня в ереси, подкупил судей, и я оказался в темнице Тампля. Там я и ждал — ждал, когда придёт мой сын. Когда придёт тот, кто продолжит моё дело. Когда придёт тот, кто сможет остановить его».

Отец замолчал. В подвале было тихо, только потрескивала свеча.

— Теперь ты знаешь, — сказал он. — Ты знаешь, кто ты. Ты знаешь, что такое роза. И ты знаешь, почему мы должны найти остальных хранителей до того, как это сделает Жером.

Себастьян молчал. Знание, которое он искал всю жизнь, оказалось именно таким, как предупреждал отец: тяжёлым, как камень. И он нёс его теперь в своей груди, и от этого камня нельзя было избавиться.

— Мы найдём их, — сказал он наконец. — Мы найдём всех хранителей. И мы остановим его.

Отец посмотрел на него — и в его глазах блеснули слёзы.

— Ты похож на мать, — сказал он. — Она тоже всегда говорила «мы найдём». И не останавливалась, пока не находила.

Он поднялся, взял Себастьяна за руку и поднёс его ладонь к своей груди, где под одеждой лежал медальон с чёрной розой.

— Возьми это, — сказал он. — Это роза твоего отца. Она была моей — теперь она твоя. Так мы передаём наследие. Так мы продолжаем путь.

Себастьян снял с отца медальон и положил в свою ладонь. Металл был тяжёлым, холодным, и внутри — запертая тьма, которая ждала своего часа.

— Что мне делать с ней? — спросил он.

— Храни, — ответил отец. — И помни: роза не выбирает зло. Она выбирает того, кто готов пожертвовать всем ради того, во что верит. Твоя мать отдала жизнь за свою розу. Я отсидел в темнице за свою. Теперь твоя очередь решить, что ты готов отдать.

Себастьян сжал медальон в кулаке. Тепло двух роз — золотой и чёрной — разливалось по его руке, и в этом тепле было что-то, что он узнавал: зов долга, зов крови, зов судьбы.

— Я готов отдать всё, — сказал он. — Всё, что у меня есть.

Отец улыбнулся — устало, но светло.

— Тогда ты и есть настоящий хранитель, сын. Настоящих хранителей не выбирают по знатности или силе. Их выбирает роза.

За дверью послышался стук — условный, три коротких, два длинных. Робер.

— Пора, — сказал он, просунув голову в дверь. — Стража прочёсывает квартал. Нам нужно уходить. Сейчас.

Отец положил руку на плечо Себастьяна.

— Иди, сын. Иди и делай то, что должен. Мы встретимся ещё. Обещаю.

И они, накинув плащи, выскользнули из подвала в парижскую мглу — двое хранителей, уносящих с собой знание, которое тяжелее любого камня.

Парижская ночь была холодной и влажной, как дыхание покойника. Они уходили из квартала Святой Анны по крышам и переходам, которые знал только Робер, — над площадями, через чердаки, по балкам, перекинутым между домами. Дважды внизу мелькали факелы стражи, и дважды они замирали, прижимаясь к холодному камню, пока патруль не уходил дальше.

К утру они выбрались за городскую стену через ветхий лаз, о котором, по словам Робера, знала только горстка контрабандистов да людей, которым не положено существовать.

— Здесь дорога расходится, — сказал Робер, останавливаясь на развилке, где подмоченная тропа уходила к лесу. — Мне дальше нельзя. Моя лавка ждёт меня, а лавке нужна живая голова для порядка. Дальше вам помогут другие.

Он протянул Элиане свёрток — хлеб, сыр, немного серебра и маленький клочок пергамента.

— Это адрес человека в Лионе. Он — бывший оруженосец ордена. Он знает, где живёт один из хранителей. Передай ему, что вы от Робера. Он поможет.

— Спасибо, — сказала Элиана, принимая свёрток.

Робер посмотрел на Себастьяна, потом на неё — и улыбнулся, морщинистый, как печёное яблоко.

— Берегите друг друга, — сказал он. — Вы двое — такая редкость. Такие, как вы, не каждое столетие встречаются.

И он растворился в предрассветном тумане, оставив их одних на краю большого мира.

В пути Себастьян молчал большую часть дня. Он не был мрачен — он был сосредоточен, как человек, который несёт в руках слишком много камней и не позволяет себе уронить ни один. Две розы — золотая на груди, чёрная в кожаном мешочке у пояса — лежали рядом, и он чувствовал их тепло даже сквозь ткань: у золотой — живое, пульсирующее; у чёрной — тяжёлое, как пепел несгоревшей надежды.

К вечеру, когда они остановились на ночлег у огня в дубовом лесу, Элиана наконец села к нему.

— Ты думаешь о ней, — сказала она. — О чёрной розе. О том, что отец отдал её тебе.

— Я думаю о том, что она ему стоила, — ответил он. — Двадцать лет в темнице. Все эти годы — в цепях, в темноте, в ожидании. И всё ради того, чтобы в один день отдать розу сыну, которого он не видел взрослым.

— Он не мог поступить иначе, — сказала она. — Таков хранитель: он живёт для розы и умирает для неё. Он передал её тебе, потому что верит: ты сможешь сделать то, что не смог он.

— А если я не смогу?

— Тогда роза найдёт другого. — Она посмотрела ему в глаза. — Но я думаю, ты сможешь. Я видела, как ты нёс медальон твоей матери — бережно, как самое дорогое. Так носят только те, кто понимает цену.

Себастьян смотрел на неё при свете костра, и впервые за день что-то в его груди разжалось.

— Знаешь, — сказал он, — когда я был маленьким и жил в монастыре, я иногда смотрел на небо и представлял, что где-то есть человек, который думает обо мне. Отец. Мать. Кто-то, кто ждёт меня, как ждут возвращения корабля.

— И ты угадал, — тихо сказала она. — Он ждал. Все двадцать шесть лет.

— Да. — Себастьян взял медальон матери, провёл пальцем по золотой розе. — Но теперь, когда я знаю, что я — хранитель, я понимаю: это не только дар. Это долг. И я не знаю, потяну ли я эту ношу.

— Понесёшь, — сказала она. — Потому что ты не один. Роза выбрала тебя не для того, чтобы ты нёс её один.

Он посмотрел на неё — и в её глазах, как всегда, увидел то, что согревало лучше костра.

— Ты тоже хранительница, — сказал он. — Твоя мать была одной из семи. Ты носишь её дар — дар видеть прошлое. Ты незримо связана с розой.

— Да, — кивнула она. — Я хранительница. Но не розы, а памяти. Я помню всё, что видели мои предки. И эта память — тоже ноша. Только я делю её с тобой.

Она протянула руку и коснулась его запястья — легко, как утренняя роса.

— Вдвоём мы понесём всё. Золотую розу, чёрную розу, память и долг. Всё, что выпало на нашу долю.

Себастьян накрыл её ладонь своей.

— Вдвоём, — повторил он. — Значит, так и будет.

Они ехали на юго-восток, к Лиону, по дороге, о которой было известно только тем, кто знал тайные тропы тамплиеров. Это был не королевский тракт, а сеть лесных дорог, перекрытый и бродов, по которым когда-то караваны ордена возили хлеб и вино между командорствами.

К третьему дню они добрались до старой мельницы на речке, где их ждал человек по имени Мартен — коренастый, с руками, привыкшими к топору, живущий в доме, спрятанном среди ив и ольхи.

— Робер прислал, — сказала Элиана, протягивая ему клочок пергамента.

Мартен долго разглядывал бумагу при свете свечи, потом поднял глаза.

— Значит, вы ищете хранителя, — сказал он, и голос его был ровным. — Тогда у меня для вас разговор. Только давайте сначала поедим, а то на пустой желудок такие вещи говорить нехорошо.

Они поели — густой суп с хлебом и варёной рыбой — и только потом Мартен заговорил:

— Я знал одного из хранителей. Звали его Бертран. Он держал пасеку в горах, за Греблем. Он не ходил в церковь, не любил больших дорог — жил тихо, как и положено таким людям. Полгода назад к нему пришли двое. Монах и рыцарь. Я не видел их, но слышал, что из той встречи Бертран не вернулся живым.

— Ему было кем быть хранителем? — спросил Себастьян.

— Было, — кивнул Мартен. — Только роза его, говорят, пропала. Не сгорела с ним, не зарыта — пропала. И я слышал, что её унёс тот самый монах. Жером де Феррьер.

Себастьян и Элиана переглянулись. Итак, Жером уже заполучил ещё одну розу. Если у него было две — до встречи с отцом — и теперь третья, то остальных всё меньше.

— Сколько роз уже у него? — спросила Элиана.

— Не знаю точно, — ответил Мартен. — Но он действует быстро. За последний год погибло трое хранителей. Двое в Оверни, один в Провансе. Все — словно по одному почерку: монахи Ищут, находят, и человек умирает, не успев сказать ни слова.

— А вы знаете, сколько всего роз? — спросил Себастьян.

— Семь, — сказал Мартен. — Так говорят. Ваша мать хранила одну — золотую. Ваш отец — чёрную. Ещё есть красная, белая, синяя, зелёная и жемчужная. Где они — знают только хранители. И, по слухам, ни одна не должна достаться Жерому.

Себастьян почувствовал, как роза на груди снова полыхнула теплом — сильнее прежнего. Будто она слушала их разговор и отвечала.

— Значит, у Жерома уже три розы, — медленно проговорил он. — А у нас — две. Осталось найти ещё две до того, как он соберёт все семь... или уничтожить его.

— Или уничтожить его, — тихо повторила Элиана. — Пока не поздно.

Мартен посмотрел на них долгим, тяжёлым взглядом.

— Тогда вам нужно спешить, — сказал он. — Потому что Жером, если я знаю его, не остановится. Он будет охотиться за каждой розой. И рано или поздно дойдёт и до вас.

Он поднялся, подошёл к стене и снял с неё потёртую карту — карту гор и дорог юго-востока Франции.

— Вот, — сказал он, кладя карту на стол. — Здесь я отметил места, где, по моим сведениям, могли укрываться другие хранители. Красным — те, что, возможно, ещё живы. Чёрным — те, где Жером уже был. Если будете двигаться быстро и осторожно, может, успеете раньше него.

Себастьян взял карту. Метки на ней — кружочки и кресты, нанесённые дрожащей рукой, — вдруг показались ему картой битвы, которую он должен выиграть любой ценой.

— Спасибо, Мартен. Мы постараемся.

— Постарайтесь, — ответил старик. — А я, если что, буду молиться. Хотя, признаться, в последнее время я больше верю в добрые руки, чем в далёкое небо.

Он улыбнулся — зубов, правда, у него было мало, зато улыбка вышла честная.

На следующее утро, до рассвета, они уже снова были на дороге.

— Куда сначала? — спросила Элиана.

— Ближе всего — синяя роза, — сказал Себастьян, сверяясь с картой. — За Греноблем, в горах. Если Мартен не ошибся, там ещё жив хранитель по имени Адам. Попробуем добраться до него раньше Жерома.

Они ехали молча, и каждый думал о своём, но мысли их были об одном: о розах, о битве, о том, кто из них двоих окажется достаточно сильным, чтобы донести свою ношу до конца.

К вечеру небо снова затянуло, и повалил снег — первый снег этого года. Он ложился на дорогу, на деревья, на плечи путников, и под его белым покровом мир казался тише, чище, словно сама земля прикрывала их от чужих глаз.

— Хорошая примета, — сказала Элиана, ловя снежинку на ладонь. — Снег замечает следы.

— Или прячет врагов, — ответил Себастьян. — До тех пор, пока они не окажутся рядом. Она посмотрела на него.

— Ты всегда такой мрачный?

— Только когда мне есть о чём думать.

— А тебе всегда есть о чём думать.

— Да, — признался он. — Теперь — всегда.

И это было правдой. Потому что теперь он нёс не только свои сомнения, но и розы — золотую и чёрную, — и память отца, и надежду матери, и обещание, которое он сам себе дал: найти всех хранителей, остановить Жерома, докопаться до истины.

И ещё одно обещание — то, которое он дал, глядя в глаза женщине, что ехала рядом. Обещание вернуться.

◆ Глава 8. О том, как утро приносит не только свет

Когда ночь уходит, она оставляет после себя тишину,
в которой слышно биение двух сердец.

И в этой тишине рождается нечто большее, чем просто день.

Рождается надежда.

Но надежда — это хрупкий цветок,
который может завянуть от одного лишь прикосновения страха.

Снегопад прекратился к утру, и мир проснулся белым, чистым и звеняще тихим. Дорога, по которой они ехали, была замечена, но Гром, чуя путь по памяти, шёл уверенно, и Себастьян доверился ему, как старому другу.

Элиана ехала рядом, укутанная в плащ, с капюшоном, надвинутым до бровей. Из-под капюшона виднелся только розовый от мороза кончик носа и несколько выбившихся рыжих прядей.

— Замёрзла? — спросил он.

— Немного. Но это ничего. У меня есть хорошая привычка: когда холодно — думать о тёплом.

— И о чём же ты думаешь?

— О лете. О том, как трава пахнет на рассвете у Монсегюра. О том, как река шумит под мельницей. — Она покосилась на него. — И ещё о том, как ты впервые улыбнулся мне — в зале допроса. Тогда, когда сказал, что веришь в справедливость.

Себастьян удивлённо посмотрел на неё.

— Я не помню, чтобы улыбался.

— Потому что ты улыбнулся не губами, — ответила она. — Глазами. Я это сразу почувствовала. Инквизитор, который верит в справедливость, — это редкость. Я подумала: вот человек, с которым можно идти до конца.

Он не нашёл что ответить. И они снова поехали молча, но молчание это было тёплым, как костёр в зимней ночи.

К полудню они добрались до Гренобля — города, сжатого между горами, как орех между щипцами. Здесь было многолюдно, шумно, пахло вином, копчёной рыбой и конской сбруей. На рынке продавали всё — от шерсти до амулетов против сглаза.

— Адам живёт в горах, в деревне за городом, — сказала Элиана, когда они спешили у постоялого двора. — По карте Мартена — полдня пути. Если поедем сразу, успеем до темноты.

Но в деревне, куда они приехали на исходе дня, их ждало известие, от которого у Себастьяна похолодело внутри.

— Адам-пасечник? — переспросил местный крестьянин, сутулый старик с лицом, испещрённым морщинами. — Так его вчера двое забрали. Монах и рыцарь. Говорили, что он знается с еретиками, что его надо проверить. Увезли в Гренобль, в церковный двор. Говорят, допрашивают.

Себастьян и Элиана переглянулись. Они опоздали. Жером был здесь. Он уже был в деревне, уже забрал хранителя, уже нёс его к своим застенкам.

— Мы должны успеть, — сказал Себастьян. — Пока он ещё жив и роза не изъята.

— Если Жером уже забрал его, роза у него, — возразила Элиана. — Или Адам признался, где она.

— Или он молчит, — возразил Себастьян. — И тогда у нас есть шанс.

Крестьянин посмотрел на них внимательно.

— Вы не из этих, еретиков, часом? — спросил он.

— Мы ищем правду, — ответил Себастьян. — А это, поверьте, самая опасная вещь на свете.

Старик усмехнулся беззубым ртом.

— Это точно. Тогда скажу вам так: церковный двор в Гренобле, у собора. Но пасечник — не дурак. Он, может, и увёл их от своей пасеки нарочно. Чтобы розу успеть спрятать.

Себастьян вскинул голову.

— Что вы имеете в виду?

— Да то, что пасечник три дня до того, как его забрали, ходил в горы. С бочонком мёда. А без бочонка вернулся. Вот и думай, куда мёд делся, если на пасеке его и так полно.

— Роза, — сказала Элиана. — Он спрятал розу в горах. В бочонке из-под мёда, чтобы её не нашли.

— Может быть, — пожал плечами старик. — Или просто раздал мёд соседям. Но я бы на вашем месте проверил.

Они выехали в горы на рассвете, ещё затемно, взяв у крестьянина проводника-подростка — щуплого мальчишку с живыми глазами, который знал тропы как свои пять пальцев.

— Вот тут, — сказал мальчик, когда они остановились у старого каменного загона, полузасыпанного снегом, — дядя Адам всегда оставлял своих пчёл зимовать. Он был хороший, дядя Адам. Всегда давал нам мёд с хлебом.

— А где он жил? — спросила Элиана.

— Вон там, за тем пригорком. Только дом сейчас пустой — снег завалил.

Они подошли к дому пасечника. Дверь была распахнута, внутри — пусто, холодно, снег заметал углы. На столе валялась глиняная кружка, на лавке — рваный тулуп. Словно Адам уходил в спешке и не успел забрать ничего.

— Роза не здесь, — сказал Себастьян, оглядывая стены. — Если только она не спрятана в доме.

Они обыскали дом — тщательно, как учили хранителей: за досками, под полом, в печи, в балках. Ничего.

— Бочонок с мёдом, — напредила Элиана. — Куда он делся?

— Может, оставил у кого-то из соседей, — предположил Себастьян.

— Или в ульях. — Элиана вдруг остановилась, глядя на ряд соломенных ульев, торчащих из-под снега у забора. — Пчёлы — лучшие стражи. Никто не ползет в улей зимой без нужды.

Она подошла к ульям и, присев на корточки, стала разглядывать их. На третьем, самом дальнем, у самого забора, она заметила то, что привлекло её внимание: клочок сухой травы, зажатый в щели между досками. Не случайный — уложенный ровно, как закладка.

— Здесь, — сказала она.

Она осторожно приподняла крышку улья. Внутри, в полумраке, среди застывших сотов, лежал небольшой глиняный горшок. Она достала его, сняла обвязку из бересты и открыла.

Внутри, завернутый в льняную тряпицу, лежал медальон.

Старый, потемневший, с выгравированной синей розой — синей, как ясное небо над горами в полдень.

— Синяя роза, — прошептал Себастьян. — Она здесь.

Элиана протянула ему медальон. Металл был холодным, но внутри — за застёжкой — Себастьян почувствовал то же тепло, что и в своей золотой розе. Живое.

— Адам успел спрятать её, — сказал он. — Теперь она наша.

Он раскрыл застёжку. Внутри, на пожелтевшем пергаменте, была начертана короткая надпись — тем же почерком, что и в его медальоне, но чуть мельче:

«Сыну или дочери, что придёт после меня. Роза моя — синяя, как вода горных рек. Храни её. Она укажет тебе путь к Хранителю Долины, что ждёт у подножия Мон-Ванту. Он знает, где последняя из семи».

— Последняя из семи, — повторил Себастьян. — Жемчужная роза. Ещё одна.

— Адам знал, где она, — сказала Элиана. — И не выдал. Умер, но не выдал.

Они стояли на ветру среди замолкших ульев, и две розы — золотая и синяя — лежали в ладонях Себастьяна, тёплые, как два спасённых сердца.

— Значит, нам нужно на Мон-Ванту, — сказал он. — К хранителю Долины.

— И нужно успеть раньше Жерома, — добавила Элиана. — Потому что, если он тоже услышал про бочонок мёда, он будет здесь раньше нас.

Она была права. Они должны были оставить деревню до того, как след приведёт Жерома сюда. И они должны были найти жемчужную розу до того, как он найдёт их.

— Поехали, — сказал Себастьян, пряча обе розы на груди. — Нас ждёт гора.

И они, оставив пустые ульи и пасеку, двинулись на юг — к Мон-Ванту, к последней из семи роз, к решающей битве.

Мон-Ванту выросла перед ними на третий день пути — огромная белая гора, возвышавшаяся над долиной, как страж на рубеже мира. Снежные вершины ловили солнечный свет, и в его лучах гора казалась не каменной громадой, а живым существом, дышащим ветром.

— Хранитель Долины ждёт у подножия, — сказала Элиана, сверяясь с картой Мартена. — По словам Адама, это место называется Ла-Боль. Там есть старая башня — всё, что осталось от рыцарского гнезда, разорённого лет сто назад.

Дорога к Ла-Боль шла по крутым склонам, среди низкорослых дубов и колючего кустарника. К вечеру они, уставшие и продрогшие, увидели впереди тёмный силуэт башни — сложенной из дикого камня, с обломанным верхом, похожей на старый палец, угрожающий небу.

У подножия башни, у маленькой часовни с почерневшей от времени дверью, их ждал человек.

Он был сухопарым, седым, одетым в простую крестьянскую одежду, но держался с таким достоинством, словно до сих пор носил рыцарский плащ. Он стоял неподвижно, сложив руки на груди, и смотрел, как они спешиваются.

— Вы пришли, — сказал он, и голос его был низким и спокойным. — Я ждал вас. Не знал ваших имён, но знал, что вы придёте. Роза сказала мне.

Себастьян остановился перед ним.

— Вы — хранитель Долины?

— Меня зовут Гуго де Ла-Боль, — ответил старик. — И да, я — хранитель. Последний из тех, кто ещё жив из семи, кроме Жерома.

— Последний? — переспросила Элиана.

— Жером уничтожил пятерых, — сказал Гуго. — У него, по моим подсчётам, уже четыре розы. Красная, белая, зелёная и жемчужная... нет, жемчужную он ещё не достал. Она здесь, у меня. Но остальных — красную, белую, зелёную — он забрал. Осталось только четыре: моя жемчужная и три, что у вас с собой.

— У нас только две, — сказал Себастьян. — Золотая моей матери и синяя Адама.

— Значит, чёрную ты тоже носишь? — Гуго посмотрел ему прямо в глаза. — Хранитель с чёрной розой, сын хранителя, вставший на путь войны. У тебя на поясе лежит медальон твоего отца.

Себастьян кивнул.

— Тогда у нас четыре, — сказал Гуго. — Золотая, синяя, чёрная и жемчужная. Против четырёх у Жерома. Игра почти равная.

Он повернулся и направился к часовне, жестом приглашая их следовать за ним.

Внутри часовни было сумрачно, но тепло — в каменном углублении горел небольшой огонь, а на полу был разостлан плотный половик. Гуго предложил им сесть, сам уселся напротив и долго смотрел на них, словно изучая.

— Я знаю, кто вы, — сказал он наконец. — Ты — Себастьян де Монфор. Ты был инквизитором. Ты судил еретиков. Ты пришёл в Монсегюр, чтобы судить ту, что едет с тобой, — и вместо этого влюбился в неё.

Себастьян почувствовал, как краска заливает лицо. Но старик продолжал:

— Это не упрёк, сын мой. Хранители судят не по одежде, а по крови и поступкам. Ты прошёл путь от палача до защитника — за это тебе честь. А та, что едет с тобой, — дочь Изабеллы. Она видит прошлое. Она помнит. Она — живой архив нашего братства.

— Вы много знаете, — сказала Элиана.

— Долгая жизнь и семейные архивы, — усмехнулся Гуго. — К тому же роза — она поёт мне о том, кто приближается. Вот ты, — он обратился к Себастьяну, — ты не знаешь, зачем носишь две розы. Золотую — помнишь, от матери. Чёрную — только сегодня получил от отца. Но ты не знаешь, что они значат. Хочешь узнать?

— Да, — сказал Себастьян.

— Золотая роза — та, что хранит память о жизни. О том, как растёт хлеб, как текут реки, как шепчутся травы. Она — роза жизни. Чёрная — та, что помнит смерть. Как гаснут огни, как умирают надежды, как входит тьма. Она — роза смерти. Хранитель, владеющий обеими, видит обе стороны мира: и свет, и тьму. Это делает его либо мудрецом, либо безумцем. Ты сам выберешь, кем будешь.

Он помолчал и добавил тише:

— А то, что две розы оказались у одного человека в один день, — это не случайность. Это примета. Значит, время пришло.

— Время чего? — спросил Себастьян.

— Время собрать все семь, — ответил Гуго. — Или уничтожить их. Потому что, если они останутся разбросанными, Жером соберёт их по одной, и мир будет гореть. А если их собрать в руках тех, кто клялся хранить, — мир может спастись. Выбор за тобой, сын мой. Ты — хранитель двух роз. Ты — тот, кто решит.

Он поднялся, подошёл к алтарю, открыл маленькую нишу и достал оттуда медальон — простой, старый, с жемчужной розой, переливающейся в полумраке мягким светом.

— Возьми, — сказал он, протягивая его Себастьяну. — Моя роза, жемчужная, — роза верности. Она была со мной шестьдесят лет. Теперь она твоя. Возьми её и исполни свой долг.

Себастьян взял медальон. Холод металла, а затем — тепло, живое, как дыхание. Три розы теперь лежали на его груди: золотая, синяя, жемчужная. И четвёртая, чёрная, — у пояса.

— Спасибо, Гуго, — сказал он.

— Не благодари, — ответил старик. — Теперь ступай. Жером не должен узнать, что ты здесь. Он охотится за тобой, ты для него — главная цель. Через неделю будет казнь твоего отца в Париже — если верить его планам. Он будет ждать тебя там.

— Я буду там, — сказал Себастьян. — И я выиграю.

— Надеюсь, — Гуго посмотрел на него с той смесью надежды и сомнения, которую Себастьян уже научился узнавать у старых хранителей. — Но помни: роза не прощает медлительности. И она не прощает ошибок.

Они покинули Ла-Боль на рассвете. Гуго стоял у часовни, глядя им вслед, и в его руке, на прощание, мелькнул маленький предмет — зеркальце, в котором, говорят, старые хранители видели тех, кто приближается к их границам.

— Он не сказал нам всего, — сказал Себастьян, когда башня скрылась за поворотом.

— Хранители никогда не говорят всего, — ответила Элиана. — Это их способ защищать и себя, и нас.

Они ехали молча. Впереди был Париж. Впереди был Жером. Впереди была битва, которую они должны были выиграть — или погибнуть.

Но рядом с ним ехала она, и от этого знания у Себастьяна было легче на душе, чем от любых роз, любых пророчеств и любых карт.

— Элиана, — сказал он, когда они выехали на дорогу.

— Да?

Он хотел сказать что-то важное — то, что давно просилось наружу. Но слова не шли. Вместо них он сказал то, что было проще и честнее:

— Спасибо, что ты рядом.

Она улыбнулась — той улыбкой, от которой у него тёплело сердце.

— Всегда пожалуйста, — ответила она. — До конца.

И они поскакали на север, к Парижу, где их ждал бой, который должен был определить судьбу семи роз — и их самих.

Дорога на север была длинной, и осенние дожди сделали её тяжёлой. Но теперь, когда в седельной сумке лежали не две, а три розы, а четвёртая висела на поясе, Себастьян чувствовал, как его груз растёт с каждым днём. Не весом — смыслом.

Он начал вспоминать слова отца: «Роза не выбирает зло. Она выбирает того, кто готов пожертвовать всем ради того, во что верит». Он всё спрашивал себя: готов ли он? Готов ли пожертвовать всем — своей свободой, своей жизнью, а может быть, и ею, — ради того, чтобы розы не достались Жерому?

— Ты опять ушёл в себя, — сказала Элиана, когда они остановились на ночлег у тёплого ручья. — Я вижу это по твоей спине.

— Я думаю, — ответил он, расседывая Грома. — Думаю, что всё это значит.

— И что ты надумал?

— Что я, наверное, зря ввязался во всё это. Зря увёл тебя. Зря взял розы. Я не хранитель, Элиана. Я был инквизитором. Я не создан для того, чтобы хранить тайны. Я создан, чтобы судить.

Она подошла к нему и остановилась в шаге.

— А кто сказал, что хранитель должен быть особенным? — спросила она. — Хранитель — это тот, кто взял на себя ношу и не уронил. Ты взял розы — потому что должен был. Потому что они сами легли в твои руки. Это не случайность, Себастьян. Это судьба. И бежать от судьбы — глупо.

Он посмотрел на неё — и увидел в её глазах тот самый огонь, который он видел впервые в зале допроса, когда она сказала: «Я вижу ваши сны».

— А ты? — спросил он. — Ты тоже считаешь, что судьба свела нас?

— Я знаю, что судьба свела нас, — ответила она просто. — Ты — хранитель. Я — память братства. Вместе мы — сила. Порознь — две уставшие души, которые ищут выхода.

Она провела рукой по его щеке — невесомо, как ветерок.

— Идём есть, — сказала она. — Завтра нам предстоит долгий день. И я не хочу, чтобы ты на пустой желудок размышлял о своей непригодности быть хранителем.

Он невольно улыбнулся.

— Это что, приказ?

— Приказ, — ответила она. — И не спорь с женщиной, которая видит твоё прошлое. Я знаю все твои слабости.

— И ты их используешь?

— Только во благо, — она улыбнулась. — И только когда ты того заслуживаешь.

К утру дождь прекратился, но дорога была разворочена повозками, и кони шли тяжело. К полудню они добрались до маленького селения, сжавшегося между холмами, где у дороги стояла церковь с покосившимся крестом.

— Переночуем здесь, — сказала Элиана. — Есть хлеб и копчёная рыба в припасах. А утром повернём на запад — туда, где дорога идёт вдоль Луары к Парижу.

Она устроилась на скамье, положила голову на седельную сумку и через минуту уже спала. Себастьян остался сидеть у входа, глядя на закат.

Розы — золотая, синяя, жемчужная на груди, чёрная у пояса — лежали тихо, но он чувствовал их тепло. Каждая из них была чьей-то жизнью: материнской, пасечника Адама, старого Гуго — и его отца, чью чёрную розу он нёс с собой.

«Что ты хочешь от меня?» — спросил он мысленно, не зная, обращается ли он к розам, к Богу или к самому себе.

Ответа не было. Только тихий ветер, шевеливший листву, да дыхание спящей женщины рядом.

Он закрыл глаза и попытался представить, что будет, когда всё закончится. Когда Жером будет повержен, розы — собраны или развеяны, отец — спасён. Что будет с ними?

Он представил тихий дом у реки, золотую осень, тёплый хлеб на столе. И её — смеющуюся, с рыжими волосами, развевающимися на ветру.

Это было хорошее будущее. И за него стоило бороться.

На рассвете они снова были на дороге. Дождь прекратился, и небо — впервые за много дней — было чистым, пронзительно-синим.

— Хорошая примета, — сказал Себастьян.

— Или просто хорошая погода, — ответила Элиана. — Но когда ты рядом, я готова считать приметой что угодно.

Он посмотрел на неё — и вдруг, впервые за всё время их пути, он понял, что она ему не просто нужна. Она — его. Его женщина. Его союзник. Его судьба.

Он не сказал этого вслух. Вместо этого он просто взял её руку, лежащую на поводьях, и слегка сжал её. Она не отняла. Наоборот — повернула ладонь и сплела его пальцы со своими.

Так они и ехали — рука в руке — по дороге, ведущей на север, к Парижу, к бою, к ответам, к будущему, которое они должны были построить сами.

К вечеру они вышли к Луаре — широкой, спокойной реке, отражавшей закатное небо, как живое зеркало. На другом берегу, среди виноградников, виднелись крыши маленького городка, над которыми поднимались колокольни двух церквей.

— Завтра будем в Орлеане, — сказала Элиана, — а оттуда до Парижа — дней пять, если погода продержится.

Себастьян смотрел на реку, и вдруг — без всякой причины — в памяти всплыло лицо его матери. Не то, из видения, — живое, улыбающееся, с руками, испачканными мукой, пока она месила тесто на кухне. Он был совсем маленьким, ему было года три, и он помнил только этот миг — светлый, тёплый, как капля мёда.

— О чём ты думаешь? — спросила Элиана, останавливаясь рядом.

— О матери, — ответил он. — Она снилась мне сегодня. Первый раз за много лет.

— И что она говорила?

— Ничего. Просто стояла и смотрела. Но во сне я знал, что она гордится мной. Знаешь, это удивительное чувство — знать, что тобой гордятся. Даже если это только сон.

Элиана смотрела на него, и в её глазах было столько тепла, что он почти физически ощущал его.

— Она бы гордилась тобой, — сказала она. — Не только во сне. Я в этом уверена.

— Откуда?

— Потому что я видела её в твоих глазах. Она была хранительницей. И она воспитала сына, который встал на путь, который она выбрала для него, даже не зная об этом. Что может быть достойнее для матери?

Себастьян не нашёл что ответить. Он просто стоял, глядя на реку, и чувствовал, как теплеет в груди — от роз, от слов, от неё.

Когда совсем стемнело, они развели костёр на берегу, поужинали рыбой из реки и хлебом из припасов. Потом Элиана уснула, а Себастьян долго сидел у огня, глядя на угли.

Он думал о том, что скоро всё закончится. Что в Париже его ждёт Жером — человек, который убил его мать и держал его отца в темнице двадцать лет. Что ему предстоит бой, из которого он может не вернуться.

Но он знал, что должен идти. Ради матери. Ради отца. Ради роз. И ради неё.

Он посмотрел на спящую Элиану, укрытую его плащом, с рыжими волосами, разметавшимися по седельной сумке, — и почувствовал, как что-то тёплое и сильное разливается по груди.

«Я вернусь, — пообещал он ей мысленно. — Я вернусь. Обещаю».

И, накрывшись второй полой плаща, он лёг рядом с ней, чувствуя её тепло, и закрыл глаза.

Утро принесло не только свет.

Утро принесло надежду.

◆ Глава 9. О том, как любовь становится ядом, а правда — оружием

Когда ты любишь, ты веришь каждому слову, каждому взгляду, каждому прикосновению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.